

HARLEQUIN®

new york times
bestselling author

Маскарад
HISTORICAL
Romance

Джинни Лин

Дракон и жемчужина

Этот роман наполнен
экзотикой восточных
ароматов, пьянящим
вкусом спелой сливы
и нежностью
китайского шелка...

Маскарад – Harlequin

Джинни Лин

Дракон и жемчужина

«Центрполиграф»

2012

Лин Д.

Дракон и жемчужина / Д. Лин — «Центрполиграф»,
2012 — (Маскарад – Harlequin)

Вдова императора Лин Суинь славилась своей безупречной красотой и обольстительностью. Она мирно жила в своих покоях до тех пор, пока Ли Тао, хладнокровный и расчетливый военный наместник одной из провинций, не похитил ее. Обретя достаточно силы и власти, чтобы бороться за императорский престол, он, без тени сомнения в своей победе вступивший в борьбу за власть, попадает в смертельную ловушку мира политики. Обворожительная Лин Суинь – в центре этой паутины и единственная, кто видит в невозмутимом жестоком молодом воине не живую легенду, а мужчину из плоти и крови, с чувствами, сомнениями и страданиями. Сможет ли безжалостный военачальник, противопоставивший себя всей империи, обрести спасение и искупление, не попав под соблазнительные чары, и какая женщина станет ему достойной парой в этой войне и... в любви?

© Лин Д., 2012

© Центрполиграф, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Джинни Лин

Дракон и жемчужина

Глава 1

Династия Тан, Китай, 759 год н. э.

На исходе часа змеи¹ госпожа Лин Суинь застыла в ожидании в покоях для приемов гостей. Воцарившуюся в ее дворце на берегу реки тревожную тишину нарушало только редкое жужжание насекомых в саду. Стоявший перед ней чай уже давно остыл. Последний из оставшихся у нее в услужении челядинцев принес этот чай утром, перед тем как сбежать.

Самые отважные из слуг уговаривали ее отправиться вместе с ними, но Лин Суинь прекрасно сознавала, что преследовавший ее безжалостный военачальник не моргнув глазом предаст огню любую деревню на реке, осмелившуюся дать пристанище гуйфэй² – «драгоценной супруге» покойного императора.

Она резко выпрямилась, услышав перед домом шорох шагов, спокойных и уверенных. Сердце билось сильнее по мере того, как его шаги неуклонно приближались. Он явился к ней один. Дыхание Лин Суинь прервалось, едва могучая фигура появилась в дверном проеме. Все в нем выдавало того холоднокровного и жестокого демона, о котором столько говорили при императорском дворе. Черные одеяния, коротко остриженные темные волосы, бесстрастное, абсолютно непроницаемое выражение лица. Нет, ее легендарная красота не имела над ним власти.

– Лин-гуйфэй, – раздался его глубокий голос, произнесший церемонное приветствие.

– Я давно уже больше не «драгоценная супруга», наместник Ли.

Суинь осталась сидеть на месте, позволив военачальнику войти. Если бы она попыталась подняться, ноги, вероятно, не выдержали бы веса ее внезапно обмякшего тела. Спокойная мощь его внушительной фигуры только усилила охвативший ее ужас. Его лицо невольно привлекало к себе внимание. Дочерна загоревшая обветренная кожа, острые скулы. Суровую симметрию нарушала лишь тонкая белая полоска шрама под левым глазом. Нечто новое в его облике.

В первый и единственный до сей поры раз Лин Суинь видела Ли Тао в покоях Божественного императора. Молодой мужчина, почти юноша, награжденный за мужество и бесстрашие.

---

¹ В древнем китайском календаре сутки были разделены на 12 частей. Каждая часть составляла приблизительно 2 часа и была посвящена определенному животному. Некоторые толкователи объясняют выбор животных для наименования «часов» повадками, присущими этим существам. Начинались сутки с часа крысы – время с 23 до 1 часа, период активности крысы, с 1 часа до 3 – час быка («бык жует жвачку»), с 3 до 5 – час тигра («гуляет грозный тигр»), с 5 до 7 – час зайца («пока солнце еще не встало, нефритовый заяц готовит на луне лекарство «мао»»), с 7 до 9 – час дракона («дракон разгоняет тучи и готовит дождь»), с 9 до 11 – час змеи («проявляет активность змея»), с 11 до 13 – час лошади («резвятся кони»), с 13 до 15 – час барана или козы («самая сочная трава для барана»), с 15 до 17 – час обезьяны («любимое время для обезьяны»), с 17 до 19 – час петуха («куры отправляются спать»), с 19 до 21 – час собаки («собака приступает к охране дома»), с 9 до 11 вечера – час свиньи («свинья наслаждается сном»). (*Здесь и далее примеч. пер.*)

² *Гуйфэй* – титул императорской наложницы 1-го ранга, буквально означает «драгоценная супруга». Наложницы в императорском гареме делились на несколько рангов – в разное время от 4 до 5. Наложниц низших классов могло быть в императорском гареме более 100. Наложница 1-го ранга обычно была одна. Между наложницами была очень жесткая конкуренция, поскольку только представительницы 1-го и 2-го ранга могли быть интимно приближены к императору. Пробразом героини романа Лин-гуйфэй послужила знаменитая наложница эпохи Тан – Ян-гуйфэй, судьбе которой посвящены многие литературные произведения того времени. Реальная Ян-гуйфэй, воспитываясь в богатом доме дяди, получила прекрасное образование, научилась писать стихи, петь и играть на музыкальных инструментах, играть в шахматы. По легенде, престарелый император Мин-хуан, впервые увидев Ян-гуйфэй, был пленен ее красотой. Однако, в отличие от героини романа, Ян-гуйфэй ждал трагический конец: когда возраст фаворитки уже приближался к сорока, император пожертвовал ее жизнью, чтобы успокоить взбунтовавшиеся войска и спасти себя и свой трон.

Неиссякаемая энергия, которую он тогда излучал, обрела с годами покров невозмутимости и самодисциплины. Время заточило его словно лезвие острого, искусного меча. Но то же самое время изменило и ее.

– Покорный слуга осмеливается предложить себя в сопровождающие госпожи.

Даже самое почтительное и любезное обращение в Поднебесной не смягчило бы его разящего, как смертоносный кинжал, взгляда.

Все внутри ее словно затрепетало от страха, однако, призвав на помощь самообладание и сделав глубокий вдох, госпожа Лин оперлась изящным локотком о стол и попыталась придать своему тону куртуазную легкость и изысканность. Ее сердце билось так громко, что за его тяжелыми ударами она едва слышала собственный голос.

– О, мой господин, спешу принести вам тысячу извинений, но путешествие не входило в мои планы.

– Вам опасно далее здесь оставаться.

Будто бы Лин Суинь могла ощущать себя в безопасности рядом с ним. Как и в любом другом месте, у нее больше не было союзников или покровителей. Неужели безжалостный верный слуга покойного императора спустя столько лет явился сюда, чтобы ее покарать? А ведь бывшая наложница пребывала в уверенности, что все тайны давно и надежно спрятаны.

Ли Тао остановился в двух шагах от нее, и Лин Суинь заметила очертания оружия, запрятанного в драпировку его рукава. Клинок убийцы. Она подняла пиалу и сделала глоток, чтобы справиться с потрясением. Холодный горький чай коснулся ее языка. Многолетний опыт придворной жизни помог госпоже Лин удержаться от дрожи, однако она оказалась не в силах унять бешеное биение сердца и справиться с выступившим на ладонях холодным потом, когда неправдоподобно большая, словно растущая с каждым шагом тень его фигуры накрыла ее.

И все-таки ей удалось поставить пиалу на столик недрогнувшей рукой.

– Поскольку мой господин проделал ради этого столь долгий путь, я полагаю, нам более не пристало терять времени. Могу ли я собрать свои вещи? – произнесла Лин Суинь мелодичным, беззаботным тоном, в котором была столь искусна.

– У госпожи не будет ни в чем недостатка.

Всесильный военный наместник обращался к ней так, будто был ее подданным. Надо будет обязательно подумать о том, как бы это использовать, подумала Лин Суинь. Она подхватила свободный конец широкой шали и закутала плечи. Распрямившись, она немного помедлила, прежде чем взглянуть на него.

Ли Тао не двинулся в ее сторону, продолжая внимательно смотреть на нее. Как все мужчины. Всегда.

Следуя через пустой дом, Лин Суинь внимательно прислушивалась к уверенной поступи позади себя. Его близкое присутствие подавляло. К тому времени, когда госпожа Лин показала на улице, пальцы ее почти онемели – так сильно она их сжимала.

Паланкин ожидал Лин-гуйфэй у обочины единственной, покрытой серой пылью дороги, ведущей из ее имения. Отряд солдат, одетых в одежды красных и черных цветов, окружал носилки. Военные наместники, всесильные цзедуши³, имели в своем подчинении огромные пограничные гарнизоны, независимые от императорской армии. Никто не осмелился бы бросить вызов удельному самодержцу в его владениях, однако эта часть леса находилась под личным покровительством императора. Подобного публичного оскорбления властитель Поднебесной империи не склонен был спускать никому.

---

³ Цзедуши – должность военного наместника пограничных провинций, введенная в Танское время (618–907 гг. н. э.) – то есть эпоху правления династии Тан. Постепенно сосредоточили в своих руках всю военную и гражданскую власть на местах и стали фактически неограниченными правителями, противопоставив себя центральной власти.

Когда Ли Тао с мрачным видом проследовал за Лин Суинь к паланкину, нестерпимое желание убежать, скрыться едва не одолело несчастную жертву. Однако Лин Суинь инстинктивно понимала, что, если она побежит, это только напомнит Ли Тао о его истинной природе – охотника, воина, убийцы. Пока же оставалась надежда, что хотя бы внешне он будет вести себя как благородный муж.

– Куда мы направляемся?

– На юг.

Это было единственное объяснение, которого он ее удостоил. Чувствуя на груди сильную тяжесть, она оглянулась. Божественный император повелел построить для нее этот дом незадолго до своей смерти. Само по себе имение значило для нее очень мало. Взгляд Лин Суинь скользнул по реке, которая искрилась солнечными лучами. Она вдохнула глубже, вбирая терпкий запах реки, чуть влажного мха и земли. Ей будет недоставать всего этого.

Наверное, Суинь хотела слишком много, теша себя несбыточными надеждами скрыться от всеобщего внимания, затвориться в покое и уединении заброшенного дома у реки. В глубине души она всегда знала, что в свое время возмездие обязательно настигнет ее. Долги должны быть уплачены – будь то в этой жизни или в следующей.

Госпожа Лин остановилась перед паланкином и, неожиданно обернувшись, оказалась лицом к лицу со всесильным цзедуши. Его гибкое, мощное и мускулистое тело возвышалось над ней, словно сторожевая башня неприступной твердыни. Наместник не сводил с нее пристального, словно пронзающего насквозь взгляда.

Нет, бывшая «драгоценная супруга» Лин Суинь не позволит себе дрогнуть и отступить. Обладавшие неограниченной властью правители презирали слабость и не раздумывая разделились бы с врагом, которого сочли слабее себя. Она молча ждала, пока Ли Тао не приблизился вплотную к носилкам и не приподнял небрежным движением руки занавеску. Ничтожная уступка.

– Скажите, наместник... – Лин Суинь провела кончиком пальца по своей щеке, – как вы получили этот шрам?

Он сощурился и, помедлив, ответил:

– Женщина.

Губы ее сложились в насмешливую улыбку.

– О, как увлекательно!

Пальцы сурового воина крепко вцепились в шторку паланкина, мягкая материя затрещала. Его глаза потемнели, дыхание стало глубже. О, Лин Суинь прекрасно владела искусством читать эти знаки на лицах мужчин, знаки, знакомые ей, как иероглифы изящных четверостиший. Что еще остается женщине в безжалостном мире мужчин, как может она себя защитить? А Ли Тао, несмотря на все его воинское искусство и хладнокровие, был всего лишь еще одним мужчиной.

– Да, вы не разочаруетесь, – тихо вымолвил он.

В голосе Ли Тао зазвучали знакомые нотки. Блеснувшие в его глазах искры показались ей единственным намеком на то, что этот безжалостный, непроницаемый воин способен испытывать хоть малейшие чувства за маской неприступности и хладнокровия.

На мгновение Лин Суинь почувствовала себя во власти его взгляда. Они стояли так близко друг к другу, что почти соприкасались телами. И хотя она сама намеренно спровоцировала его, Суинь немедленно пожалела о своем не обдуманном поступке, когда тревожная и волнующая дрожь охватила все ее существо. Отряд солдат, окружавших их, словно растворился в тумане. Был только один мужчина, внушавший ей трепет.

– Думаю, моя игра окончена, – прошептала она.

Он не отвечал. Прекрасная наложница едва заметным движением плеча коснулась его рукава, скользнув в деревянный паланкин. Ли Тао не сводил с нее взгляда до тех пор, пока шторка не задернулась.

Долгое путешествие представлялось ей причудливой вереницей пейзажей, запечатленных тушью на белоснежном шелке на маленьком окне деревянного паланкина. Вот промелькнули густые плети лозы, обвившей склоненные ветви деревьев, блеснуло отражение солнечного света от зеркальной глади реки. Ли Тао ехал во главе отряда, и его воины постоянно окружали носилки. Знаменитая личная гвардия Ли Тао, его «Непобедимые стражи», как прозвали они себя, снискав репутацию самых яростных воинов Поднебесной.

Густые тени и тихое журчание реки сменились грязной дорогой, сплошь покрытой многочисленными колеями от колес повозок. Их отряд продвигался на юг, прочь от центральных, полностью подвластных воле божественного Сына Неба земель. Госпожа Лин не имела никакого отношения ко двору нового императора, при котором ей не нашлось, да и не могло найтись места, но по-прежнему отчаянно пыталась цепляться за иллюзию, будто центральные уделы слыли единственным островком цивилизации и безопасности в охваченной чередой внутренних неурядиц империи. Все, что лежало за их пределами, относилось к миру хаоса и беззакония. Именно поэтому император так нуждался в цзедуши, чтобы поддерживать порядок на границах Поднебесной.

На четвертый день они подъехали к массивным укреплениям, охраняемым вооруженными людьми. Воины с угрюмыми лицами окружали заграждения. Лин Суинь высунулась из окошка паланкина.

Так, значит, все правда. Провинциальные вое начальники действительно собирали армии. Бывшая «драгоценная супруга» Божественного императора скрылась из столичного Чаньяна в надежде избежать беспорядков и смуты, однако тревожные новости последнего беспокойного года все равно доходили до нее через слуг, каждую неделю отправлявшихся на столичные рынки, в то время как сама Лин Суинь оставалась добровольной затворницей в уединенном доме у реки.

Лишь одно могло стать причиной постройки вооруженных укреплений внутри империи – междоусобная война военных наместников провинций. Долгие годы они постепенно накапливали в своих руках безграничную власть и, наконец, воспользовались смутой эпохи императора Шэня, чтобы бросить открытый вызов империи. Да, пожалуй, ей все-таки стоило попытаться скрыться из имения вместе со своими слугами.

Вздвигнув, госпожа Лин накинула на плечи шаль. Она была в том же платье, что надела на себя в то утро, когда всесильный цзедуши явился за прекрасной пленницей во главе отряда головорезов. Это была единственная собственность, которую Ли Тао позволил ей взять с собой.

Как же она ненавидела все это. Переезды, дороги. Элементы земли в ее сущности⁴ настойчиво стремились осесть на одном месте, обрести пристанище и дом. Путешествия никогда не сулили ничего хорошего. Резкие перемены только воскрешали в памяти бесчисленные воспоминания о расставаниях и дорогах, уводящих в дальние и незнакомые места. Все и всегда кончалось именно так, и по своему горькому опыту Лин Суинь знала, что пути назад нет.

К ней снова вернулся инстинкт самосохранения, окутывая подобно второй коже. Чувства обострились, заставив резко задуматься о происходящем вокруг. Ли Тао, несомненно, вел

---

⁴ В основе китайского мировосприятия лежит концепция о 5 элементах, составных частях человеческого организма, – Вода, Земля, Огонь, Дерево, Металл. Эти элементы связаны между собой циклами созидания и разрушения. В цикле созидания каждый элемент порождает последующий и питает его энергетическим потоком: например, огонь порождает землю, сжигая дерево (дерево превращается в пепел, а пепел в землю). В цикле разрушения каждый элемент разрушает предшествующий (земля удерживает воду, вода уничтожает огонь...).

приготовления к войне, вооружившись мечом и окружив себя бесстрашными воинами. Лин Суинь владела иным оружием.

К исходу следующего дня пути широкая открытая дорога спряталась в тени гор, а земля стала более темной и плодородной. Они вступили в зеленый бамбуковый лес. Высокие стебли вздымались над головой, заполняя собой весь обозримый горизонт. В тех местах эти заросли называли бамбуковым морем, морем, в котором не было ни капли воды, и лишь ритмичное колыхание высоких зеленых стеблей создавало иллюзию набегавших волн, а тихий шелест ост-роконечных листьев – ощущение прохладного морского бриза. Над ними словно распростерся зеленый полог, окруживший отряд цзедуши Ли Тао со всех сторон. Когда Лин Суинь отвела глаза от окна, ее взор затуманила красная пелена, словно весь окружающий ее мир внезапно заволокло неестественно ярким закатным заревом.

Суинь высунулась из окна носилок, высматривая Ли Тао. Его высокая, с прямой осанкой фигура возвышалась во главе отряда всадников. Темные одежды резко выделялись на фоне зеленого леса. Могучий воин стал единственной точкой притяжения ее взгляда. Он обладал всей полнотой власти, а она... стоило смириться с реальностью – у нее не было ничего.

Ли Тао почти не разговаривал с ней, за исключением того скудного обмена репликами у реки. Что же вынудило его выбраться за пределы собственных, столь тщательно укрепленных территорий, чтобы захватить ее в плен? Влияние «драгоценной супруги» угасло вместе со смертью Божественного императора. Она была всего лишь памятником предыдущей эпохи, потускневшим и бесполезным напоминанием о славных днях покойного императора Ли Мина.

Их караван внезапно остановился, занавес паланкина отдернули. Ли Тао снова предстал перед ней. Он протянул руку, и Лин Суинь не оставалось ничего, кроме как принять ее, легко сжав миниатюрными пальчиками, прежде чем покинуть паланкин. Это, казалось бы, столь мимолетное прикосновение не давало ей покоя, она долго продолжала ощущать упругую твердость его ладоней и, стоя подле всесильного военного наместника окраинной провинции, испытывала неясное беспокойство. Конечно, опытная придворная куртизанка знала, как распознать мужчину, облеченного силой и властью, но никогда еще ее столь безрассудно не влекло к такому мужчине.

Лин Суинь поспешила перевести внимание на дворец, стоявший у самого края бамбукового моря. Размерами он дважды превосходил ее дом у реки и был построен в роскошном стиле, характерном для имперской архитектуры. Его силуэт напоминал Суинь изысканные пагоды императорского дворца – те же мощные и одновременно изящные деревянные перекрытия, красная черепица крыши. Дом цзедуши возвышался над зеленым морем бамбуковых по бегов.

– Почему вы привезли меня сюда?

– Как я уже сказал, оставаться у реки было более для вас небезопасно.

Госпожа Лин вызывающе вскинула голову:

– Так, значит, почтенный наместник Ли решил возложить на себя обязанности моего покровителя?

В ответ он криво усмехнулся и указал в сторону дворца. Этот человек, похоже, относился к своим словам с такой скаредностью, будто те были золотыми монетами, чудом попавшими в руки уличного попрошайки. Каждое его действие казалось настолько хорошо продуманным и взвешенным, что Лин Суинь невольно задумалась, способен ли этот невозмутимый воин вообще потерять самообладание на пике гнева или страсти. При мысли о последнем сладкий холодок пробежал по позвоночнику.

Ли Тао продолжал следовать позади, когда они подошли к парным статуям львов, охранявшим вход во дворец. С каждым шагом ее все больше и больше страшила его мощь. Уверенные шаги и ощущение всеобъемлющей власти. Видимость уважения, с которым Ли Тао

позволил госпоже Лин возглавить процессию, выглядела нелепо и пугала ее. Сколько же ему потребуется времени, чтобы дать, наконец, знать о своих подлинных намерениях?

Один за другим к входу стали стекаться слуги. Всего семеро, отметила про себя Лин Суинь, ничтожно малое число для такого огромного дома, столь напоминавшего ей императорский дворец. Чуть впереди небольшой кучки челядинцев стояла круглолицая старая женщина с седыми волосами. Когда Ли Тао представил свою спутницу, старушка вздрогнула, удивленно открыв рот.

– Лин-гуйфэй! – Старушка все кланялась и кланялась. Ее узкие, худые лопатки резко выделялись под коричневым халатом служанки.

– Цзиньмэй, покажи госпоже Лин ее покои. – Прежде чем уйти, Ли Тао бросил равнодушный взгляд в сторону гостьи.

Невыносимо. Лин Суинь вспыхнула от гнева, когда тот удалился по коридору. С таким же безразличием наместник смотрел на нее и во время всего путешествия. Силой оружия он принудил ее покинуть свой уединенный приют, однако продолжал относиться к ней так, будто ее персоне не имела для него никакого значения. Это было... было гораздо хуже, чем если бы он допрашивал ее или угрожал расправой. По крайней мере, в том случае она хотя бы знала его планы.

Старая служанка мягко коснулась ее руки:

– Пойдемте вместе с тетужкой Цзиньмэй, госпожа.

Стража проследовала за ними, когда старушка повела Суинь за собой по просторному коридору дворца.

– Гуйфэй даже еще прекраснее, чем о ней говорят, – проворковала тетужка, обращаясь к ней титулом, пожалованным Суинь Божественным императором. – Мы все весьма польщены и обрадованы честью, оказанной вами этому дому своим приездом.

Воистину приятнейшее путешествие. Церемонный визит, в котором ее любезно сопровождали пятьдесят вооруженных с головы до ног стражников.

Тетужка поспешила вперед, проворно семеня в своих деревянных сандалиях, сопровождая Суинь через центральную гостевую залу во внутренние помещения дворца. Тихие и просторные комнаты были обставлены изящной мебелью. Все покои дворца казались тщательно прибранными, однако она затруднилась бы описать их с известной долей определенности – они производили столь же загадочное и непонятное впечатление, как и их таинственный владелец.

Через центральную дверь Лин Суинь проследовала за тетужкой в главный внутренний дворик, украшением которого служил тщательно ухоженный садик. Садовник легко касался пальцами густой зелени живой изгороди, прежде чем обрезать ее большими садовыми ножницами. Глаза его не концентрировались ни на движениях руки, ни на острых лезвиях ножниц, едва заметно порхавших перед ним. Когда садовник обращался к долговязому, худому юноше, стоявшему возле маленького пруда, взгляд его продолжал оставаться пустым и отсутствующим, лишь на миг останавливаясь на предмете его занятий.

Юноша поймал направленный на него взгляд Лин Суинь. Ему было около шестнадцати – мальчик, готовящийся стать мужем. Охапка влажной травы выпала из его правой руки, когда юноша во все глаза уставился на прекрасную пленницу. Его левая рука безвольно свешивалась вдоль туловища, пальцы на ней казались иссохшими и скрюченными, словно голубиные коготки. Почувствовав внезапное смущение, госпожа Лин отвела взгляд.

Тетужка подозвала ее к себе:

– Хозяин Ли пожелал, чтобы Лин-гуйфэй обладала самыми роскошными покоем. Мы надеемся, госпожа останется довольной.

Образы слепого садовника и его увечного помощника не выходили у Лин Суинь из головы. В императорском дворце даже ничтожнейшего из слуг подбирали, обращая внимание на их физическую красоту, дабы увековечить иллюзию совершенства.

Добравшись до восточного крыла огромного дома, тетушка подвела Суинь к лесенке. Стража осталась за высокими двойными дверями, а они вошли во внутренние покои.

– Здесь хороший свет. Позитивная энергия со всех сторон. – Тетушка первой засеменила в опочивальню, открывая одну дверь за другой. – По утрам Лин-гуйфэй сможет наслаждаться видом восходящего над скалами солнца.

Пожилая женщина напомнила Лин Суинь старых слуг, проживших в императорском дворце так долго, что им иногда даже жаловались придворные звания. Их речь и манеры могли показаться услужливыми и зависимыми, но они, безусловно, обладали мудростью, хитростью и проницательностью, равных которым не было в этом мире, благодаря знанию тайн и интриг, разворачивавшихся перед их глазами за долгие годы жизни при дворе. Еще тогда Суинь научилась ценить слуг и по возможности заключать с ними соглашения.

Тетушка отдернула полупрозрачный занавес и подвела госпожу Лин к балкончику, с которого открывался вид на серую гряду скал в отдалении. Чистый и прозрачный лесной воздух окутал их свежестью. Вцепившись в деревянные перила, Суинь впиалась взглядом в открывшийся перед ней пейзаж.

Ли Тао заточил ее на втором этаже. Вымощенный каменными плитками дворик обрывался в глубокое ущелье с отвесными гранитными стенами. Даже если бы она набралась достаточно храбрости, чтобы перелезть через балкон во двор, бежать ей было некуда.

Лин Суинь успела обдумать все возможные причины своего появления в этом доме. Военачальник мог взять ее в заложники, что представлялось ей маловероятным, поскольку бывшая императорская супруга не обладала больше союзниками в охваченной междоусобицей империи. Ее пленение могло быть простым актом неповиновения императорским приказам. Самым логичным показалось ей предположение о том, что грозный цзедуши решил, будто госпожа Лин владеет какой-то жизненно важной тайной. Были времена, когда она обладала многими, самыми высоко охраняемыми секретами императорского двора.

Суинь задала пробный вопрос, едва тетушка присела подле полупрозрачного занавеса:

– Давно ли вы служите наместнику?

– Пятнадцать лет, моя госпожа.

Значит, с самого начала. Суинь еще раз наклонилась над перилами балкона и вдохнула ароматы мха и влажной земли.

Значит, с того самого времени, как кто-либо впервые услышал о человеке по имени Ли Тао, подумала она.

Глава 2

Ли Тао ослабил кожаные ремешки, с помощью которых ножны закреплялись на руке. Военачальник сидел один в кабинете, закрывшись от воинов, от слуг, от *нее*. Блистательная Лин Суинь была надежно спрятана в его твердыне, где ее не смог бы достать ни один недруг. Теперь у военачальника появилось время и возможность все внимательно обдумать.

Он вытащил кинжал с тонким лезвием, спрятанный в рукаве, и положил на стол рядом со стопкой писем. В бронзовой курильнице виднелась кучка серого пепла – все, что осталось от записки, побудившей его пересечь укрепленные границы своих владений ради удовлетворения, казалось бы, минутной прихоти. Записка была не подписана, смысл ее – туманный. В записке сообщалось, что военный наместник Гао Шимин послал людей, чтобы схватить Лин Суинь, или Лин-гуйфэй, как ее величали при покойном Божественном императоре.

Бывшая «драгоценная супруга», размышлял Ли Тао. Женщина, уже ничего не значащая в тайных интригах и заговорах при дворе нынешнего императора. Наложница, бывший покровитель которой давно покинул мир живых, отправленная в отдаленное имение у реки, чтобы провести остаток дней в изгнании. Символ отошедшей в небытие империи. Так зачем вдруг она могла понадобиться старому лису Гао?

Ли Тао чувствовал, что здесь таится какая-то хитрость, какой-то подвох, однако впервые в жизни он действовал вопреки своим чувствам. Тайнственное послание содержало предупреждение, но было в нем и нечто большее. Нечто очень похожее на обещание. Обещание того, что воинственный наместник пожалеет, если не предпримет решительных действий. Имя бывшей «драгоценной супруги» пользовалось широкой известностью в Поднебесной. Лин Суинь.

На пике популярности прекрасной наложницы при столичном дворе Чанъаня о ней ходило множество самых невероятных слухов. Роковая соблазнительница, очаровательная и завораживающая, самая красивая женщина в Поднебесной. В золотой век царствования императора Ли Мина умы и сердца поэтов и придворных были прикованы к Лин-гуйфэй, из которой людская молва и всеобщее поклонение сотворили богиню.

Во время своего первого появления при дворе Ли Тао посчастливилось мельком увидеть прекрасную госпожу Лин. Жажда и желание, охватившие его тогда, оказались внезапными и всепоглощающими. Он был юн и горяч, им двигали самые честолюбивые стремления – молодой воин хотел признания, уважения, власти. Однако даже сейчас, почти десять лет спустя, при виде Лин Суинь в нем пробудилось слабое эхо того самого, почти позабытого желания.

Вначале Ли Тао решил, что старым лисом овладело страстное стремление обладать этим запретным цветком, женщиной, которую он столько лет видел во дворце императора и которая была для него недоступным объектом губительной страсти. Возможно, Гао хотел стать единственным владельцем ее запретной красоты и немеркнувшего сияния ее божественной славы. Однако вскоре цзедуши перехватил убийц, тайком пробиравшихся по берегу реки, поспешно отправленных старым царедворцем по ее душу.

Наемники пали в бою, лишив Ли Тао возможности их допросить. Последний из них сам бросился на собственный меч, чтобы избежать плена. Очевидно, это были не простые наемники – чтобы нанять столь преданных воинов, требовались не только немалые деньги, но и влияние. Получалось, что госпожа Лин по-прежнему обладала известной ценностью. Мятежный военачальник желал ее смерти, кто-то другой, по-видимому не менее могущественный автор записки, хотел, чтобы Лин Суинь осталась жива, а он, Ли Тао, оказался в центре чужой интриги.

Наместник присел за стол и задумчиво потер пальцами переносицу, надеясь избавиться от гнетущих его дум. Куча бумаг на столе – требования явиться к императорскому двору у

Чанъань – лежала на самом верху. Под ними – другие приказы с грозным оттиском императорской печати.

За последние годы некогда незыблемая власть императора пошатнулась, в то время как находящиеся в подчинении цзедуши пограничные армии стали только сильнее. Растущий дисбаланс пугал императорских чиновников при дворе, заставляя их изо всех сил стремиться ограничить власть военных наместников. Будто покалечив здоровую руку, можно спасти больную.

Ли Тао игнорировал столичные повеления и указы. Еще покойный император приказал ему всеми возможными силами защищать переданный его попечению военный округ. И военачальник продолжал оставаться верным воле покойного господина, пусть это даже означало неповиновение императору Шэню и кучке его сующих нос не в свое дело чиновников. Он охранял границы и поддерживал мир в провинции, жестко подавляя возможные очаги возмущения и содержа воинские формирования в состоянии боеготовности. Ли Тао планомерно создавал собственную армию.

Гао обвинил его за это в измене. Старый трус осмелился выступить с подобными клеветническими заявлениями, находясь от своего врага на безопасном расстоянии в тысячу ли⁵ и пользуясь преимущественным положением при императорском дворе. И теперь Ли Тао следовало бы серьезно пересмотреть тактику, чтобы успешно противостоять столь коварному и поднаторевшему в искусстве плетения интриг царедворцу. Ему было необходимо научиться прибегать к подобным же ухищрениям и хитростям. Он отчаянно нуждался в советнике, искусном в придворных интригах и дипломатии, таком как изящная и мудрая куртизанка Лин Суинь. Должно быть, именно потому непокорный воин подчинился загадочному приказанию привезти ее к себе.

Ложь, возразил сам себе Ли Тао. Он отбросил в сторону императорские повеления. Госпожа Лин оказалась здесь, потому что он нашел ее заброшенной и одинокой в том жалком пристанище у реки. Бледная от страха прекрасная Лин-гуйфэй тем не менее встретила его с элегантною решимостью, будто бы по-прежнему вся мощь империи была в ее власти. Он мог бы допросить ее прямо там, у реки, мог бы доставить ее в столицу провинции Чэнду⁶, в конце концов, просто проигнорировать таинственное предостережение. А вместо этого увез в свои владения, в то место, которое столь долго и тщательно скрывал от чужого глаза.

Ли Тао поместил ее в южном крыле дворца, в те же покои, где некогда останавливалась его однажды нареченная и несостоявшаяся невеста. Однако тщательно спланированная женитьба на дочери императора рухнула еще прежде, чем они увидели друг друга в глаза. Как же, должно быть, радовался разладу Гао. За последний год этот дворец посещали лишь беды и несчастья, и теперь госпожа Лин материализовалась посреди зеленого бамбукового леса как еще одно дурное предзнаменование.

Все пустое, решил Ли Тао. Ему следовало найти в себе силы признать, что охватившее его волнение было не чем иным, как влечением его мужского начала к соблазнительной женственности невольной пленницы. Ян и инь⁷. Мужчина и женщина. Однако он никогда не совершит ошибку, считая Лин Суинь всего лишь прекрасной женщиной. Она – соблазнительница и проницательная интриганка, настоящая демоница в облике прелестной красавицы.

⁵ *Ли* – китайская мера длины. Первоначальное значение – «переход», расстояние между двумя селениями, в которых делались остановки. Впоследствии стандартная мера длины, величина которой колебалась в разные эпохи. Среднее значение – 0,4 км.

⁶ *Чэнду* – город в Юго-Западном Китае, в долине реки Миньцзян, административный центр современной провинции Сычуань. Возник в IV в. до н. э.

⁷ Концепция инь и ян – основная в китайской философии и ментальности. Все явления окружающего мира, включая человека и природу, интерпретируются как взаимодействие между двумя началами инь и ян, представляющими собой различные аспекты единого целого. Ян и инь служили для выражения светлого и темного, твердого и мягкого, мужского и женского начал.

Обращение с ней оказалось весьма экстравагантным для пленницы. Тетушка принесла чай и приказала приготовить в ее комнате деревянную ванну. Воду пришлось согреть в огромном котле во дворе и носить по лестницам в деревянных ведерках, однако стражники безропотно исполнили приказание.

Суинь нежилась в одиночестве в горячей ванне, однако мышцы ее тела продолжали оставаться натянутыми. Что же могло понадобиться от нее Ли Тао? Она уже обдумала все возможности, даже вроде бы само собой разумеющуюся – желание. Однако властному и могущественному правителю, каковым, несомненно, являлся Ли Тао, вовсе не пристало искать общества наложницы, возраст которой уже вступил в пору осени, равно как мчаться за ней через полстраны сквозь охраняемые укрепления. К чему такие сложности, если и в своих владениях ему доступны многочисленные, значительно более молодые прелестницы.

В императорском гареме наложницу, возраст которой приближался к тридцати годам, отправляли в монастырь или, если ей повезет, отдавали в жены не столь значительным чиновникам. Лин Суинь находилась сейчас именно в этом возрасте. И кроме того, Ли Тао вовсе не смотрел на нее так, как это делали многочисленные поклонники – с вождением и страстью. Иногда даже с благоговейным трепетом. Мужчинам не удавалось скрыть своих чувств даже в присутствии Божественного императора. Суинь привыкла читать это в их пылающем взоре, прежде чем те находили в себе силы отвернуться от «драгоценной супруги».

Именно поэтому они старались не поднимать глаз в ее присутствии.

Во взоре Ли Тао не было ничего подобного. Он смотрел на нее так пристально, будто хотел проникнуть в душу и выведать все секреты. Однако ее ответный взгляд не выражал ничего. За годы придворной жизни госпожа Лин научилась скрывать истинные желания и чувства.

Остывшая вода напомнила пленнице, что думы ее странствуют слишком далеко. Она вышла из ванны и вытерлась. Не просушив волосы, Суинь переоделась ко сну и забралась под балдахин кровати, забывшись в глубоком сне, изнуренная лишениями утомительного путешествия.

Ее телу не было никакого дела до того, что она попала в тигриное логово, хотя разум буквально не находил покоя. Однако все попытки найти разумный ответ на мучающие ее вопросы оказывались тщетными.

Утром ее разбудил шорох в соседних с опочивальней покоях. Мышцы болели от беспокойного сна.

Лин Суинь поднялась и, сунув ноги в шелковые тапочки, направилась в соседнюю комнату.

– Тетушка, что все это такое?

Просторные покои напомнили пышную цветочную клумбу – шелковые одеяния всевозможных цветов и оттенков изящно расположились на всех доступных столах и стульях. Тетушка подняла струящийся светло-розовый шелк, переливающийся, как бутон орхидеи.

– Госпожа будет выглядеть очень красивой в этом наряде.

Суинь едва смогла найти место среди всего этого великолепного гардероба, чтобы присесть. Разноцветные одежды были столь же роскошны и изысканны, как и те, которые она носила во дворце, подумала Суинь. Однако за этот год торговля между отдельными провинциями Поднебесной сильно уменьшилась. Сторожевые посты и заградительные укрепления, возведенные на внутренних границах уделов, сильно затрудняли доставку товаров и передвижение купцов. Тканей такой искусной выделки невозможно было найти за пределами столичных городов Чанъяня и Лояна⁸.

---

⁸ Лоян – город в западной части провинции Хэнань, в среднем течении и на южном берегу реки Хуанхэ – одно из самых

Как странно, что у Ли Тао оказалась столь редкая и дорогая женская одежда, словно специально приготовленная для нее. Лин Суинь снова пришли в голову ее первоначальные подозрения, однако ничто в поведении наместника не говорило о его чувственных желаниях – за исключением той краткой вспышки у реки.

«Драгоценная супруга» Божественного императора никогда не сможет стать любовницей другого мужчины – даже если переживет покойного императора на сто лет, она всегда будет принадлежать ему одному. Так гласит закон.

– Тетушка, должно быть, решила, что наместник и я – любовники, – попробовала нащупать почву Суинь.

Пожилая женщина поджала губы и осторожно накинула светло-розовую шелковую одежду на стоящую в углу комнаты расписную ширму.

– Ваш хозяин не предупредил вас, что я приеду, так?

Верная служанка опять не удостоила ее ответом.

– Какой наряд выберет госпожа? – спросила она в свою очередь.

Старушечьи глаза воодушевленно скользнули по переливающемуся, сверкающему морю ярчайших цветов и оттенков. Когда-то тетушка тоже была молодой девушкой и в глубине души сохранила любовь к изящным, прелестным вещцам.

– Какое неслыханное нарушение приличий – бывшая наложница и военный наместник провинции. – Суинь снова попыталась вызвать тетушку на откровение.

Тетушка, с трудом переступая, шаркая по устланному коврами полу комнаты, подошла, чтобы приподнять занавес.

– Хозяин Ли выразил желание поговорить с госпожой этим утром.

В приоткрытое окно хлынул поток солнечного света. Суинь церемонно присела, наблюдая за тетушкой, снова приблизившейся к ней.

– А что скажет тетушка, если я признаюсь ей, что наместник привез меня как пленницу?

– Госпожа задает слишком много вопросов. Ей следует быть одетой, прежде чем хозяин Ли покинет сей дом.

Очевидно, Ли Тао вовсе не заботили возможные скандальные слухи, и Лин Суинь не могла ничего поделать с безоговорочным одобрением тетушкой поступков своего господина.

Суинь выбрала одежды из светло-розового шелка и проследовала за тетушкой к ширме для переодеваний. Руки тетушки едва двигались, когда она натянула на госпожу Лин вышитую рубашку и надела сверху юбку и рубашку с длинными широкими рукавами. Когда же тетушка нагнулась, чтобы расправить складки пышной шелковой юбки, Суинь хотела попросить пожилую женщину не беспокоиться о такой ерунде. Удивительно, что в доме не оказалось молоденьких служанок, способных помочь старушке справиться с почти непосильной для нее задачей. Похоже, у наместника Ли не было ни жены, ни семьи. Дворец казался настолько пустынным, что слышен был скрип каждой половицы.

Почти как в ее доме у реки.

Тетушка расправила концы малинового пояса и повязала его вокруг талии Суинь так, чтобы края небрежно свисали. После этого пожилая женщина подвела Лин Суинь к зеркалу.

– Волосы госпожи густые и черные, как чернила. – Тетушка нежно провела по ним гребнем. – Она счастливица.

Придет время, и она станет седой и согбенной, как тетушка, подумала Суинь. Кожа ее покроется морщинами, прекрасные черты исказятся до неузнаваемости. Возможно, только тогда обретет покой бывшая «драгоценная супруга».

– Тетушка должна знать, что я не любовница наместника Ли. Я встретила его всего лишь неделю назад. Мы даже никогда не разговаривали. – Лин Суинь попыталась поймать в зеркале выражение глаз старой служанки, но тетушка не поднимала головы, полностью погруженная в свою работу. – Я верна памяти Божественного императора.

– Хозяин всегда был верен Божественному императору, – произнесла тетушка.

– Но не императору Шэню.

Суинь поморщилась, когда тетушка дернула ее волосы, скручивая их в узел. Острая шпилька из слоновой кости больно царапнула кожу. Не стоило рассчитывать здесь на поддержку, подумала она.

И еще мучительнее оказалось ей сознавать ту смертельно опасную игру, ставшую частью и условием выживания при императорском дворе. Кому можно довериться? Кто ей поможет? Суинь училась делать правильные ходы с тех пор, как еще ребенком ее забрали из дома, купив за сотню медных монет – обычная стоимость невесты.

Лицезреть госпожу Лин было все равно что присутствовать на искусном представлении. Она сидела перед ним в гостевых покоях, грациозно сложив руки, полностью скрытые в широких рукавах ее одеяний, – изящный бутон персика на фоне бесцветных стен. Подчеркнутый изгиб ее губ казался слишком совершенным, чтобы быть естественным.

– Я размышляла. – Лин Суинь взглянула на наместника, поднеся к губам пиалу. – Вам нужна не я.

– Что же мне нужно? – задал он встречный вопрос.

– Я всего лишь символ. Овладеть мной все равно что... – она бросила на Ли Тао косой взгляд, – все равно что овладеть неприятельским штандартом. Какой еще интерес может быть у военачальника к презренной наложнице?

– Презренной... – задумчиво произнес Ли Тао.

Он откинулся немного назад, пристально изучая Суинь. Само изящество и красота – она была прекрасна. Это зрелище абсолютного совершенства слепило глаза – больно смотреть, но еще мучительнее отвернуться. Мягкий, чувственный рот и выразительные глаза. Один только вид кремовой кожи ее нежной шейки заставлял его пальцы нестерпимо жаждать прикосновения.

– Когда-то вы услаждали своей красотой посетителей квартала удовольствий Лояна, – заметил он.

– Очень, очень давно, наместник.

– Лоян хранит много секретов.

Улыбка тронула губы Лин Суинь. Она улыбалась, потешаясь над ним. И в то же время для него.

– Вино и музыка – вот и все секреты.

Эти слова сопровождались мелодичным смехом, однако в ее взгляде Ли Тао почувствовал холодный расчет. Притягательная и соблазнительная. Каждый жест бывшей наложницы сулил невысказанные возможности. Каждое ее движение словно убеждало ослабить бдительность, тогда как сама Лин Суинь всегда оставалась начеку. У наместника не хватало терпения играть в эти игры.

– Мне не нужна наложница.

Эти слова прозвучали безучастно, хотя лишь стоило ему только представить эту женщину в своей постели, как все внутренности буквально скрутило в узел. Он ощутил внезапный приступ мучительной боли.

Лин Суинь плотно сжала губы. Она поставила пиалу, громко звякнувшую во внезапно наступившей тишине о деревянный столик.

– Я ничего не предлагаю.

– Говорят, одного вашего взгляда достаточно, чтобы мужчина оказался у ваших ног, – заметил Ли Тао.

Лин Суинь подперла кулачком подбородок с любопытством, прекрасно отдавая отчет, какое впечатление производит на него.

– Также говорят, будто я соблазнила императора и погубила империю.

– Чушь. – По мере этого обмена репликами его пульс забился быстрее и внутри потеплело. Ему это даже начинало нравиться. – Я прекрасно знаю, что погубило империю, и мне хорошо известно, что силы эти не имеют никакого отношения к любви ослепленного страстью императора к своей прекрасной наложнице.

– Император никогда не любил меня.

Ее резкое отрицание удивило Ли Тао. Опустив глаза, Суинь задумчиво коснулась кончиком пальца пиалы. Облачко грусти исказило ее прекрасные черты. Однако это лишь усилило ее привлекательность и пропало так быстро, что Ли Тао мог только гадать, был ли этот манерный жест искусной куртизанки предназначен специально для него. Можно довести себя до безумия, пытаясь расшифровать ее тайные знаки, подумал он.

– О вас также рассказывают разные вещи. – Лин Суинь больше не пыталась очаровать его. Ее голос казался острым, как лезвие кинжала. – О всех тех людях, что вы убили.

– По приказу императора, – спокойно ответил Тао.

– Всех?

– Нет.

Госпожа Лин держала себя просто великолепно. Только после того, как он замолчал надолго, она позволила себе сморгнуть слезы и отвернуться.

– Император умер от болезни в своей постели, наместник Ли. Я не имею к его смерти никакого отношения, какие бы слухи обо мне ни ходили. Если... – она запнулась, не сводя глаз с кольца с изображением дракона на его втором пальце, – если вы пришли за мной из-за этого.

Ходили слухи, что причиной внезапной смерти Божественного императора было отравление. Лин Суинь спрятала руки под столом, однако Ли Тао успел заметить охватившую их дрожь.

– Вы больше всех потеряли от его смерти. Император был вашим покровителем.

– Император Ли Мин был великим человеком, – заявила госпожа Лин, внезапно показавшись наместнику очень уязвимой. Ли Тао никогда не видел ее такой.

Он должен заставить себя думать о ней как о женщине другого мужчины, даже если этот мужчина уже мертв. А еще лучше – вообще не думать о ней как о женщине. Ли Тао внимательно рассматривал ее лицо, пытаясь убедить себя, что бывшая «драгоценная супруга» всего лишь его оппонент в оживленном споре. Случайно или нет, но своим умом и талантами госпожа Лин напомнила Ли Тао одного из немногих людей, которых он уважал в своей жизни. Которому поклялся служить верой и правдой. И предал ради другого.

– Вы сказали, что вам известна причина распада империи, – продолжила беседу Лин Суинь уже более спокойным тоном. – И в чем же она сокрыта?

– Императорский двор слишком удалился от реального положения дел в стране. – Ответ пришел сам собой. Наместник слишком долго наблюдал признаки упадка.

– А военачальники почувствовали вкус крови, – парировала она.

«Драгоценная супруга» явно знала куда больше и занималась не только ублажением гостей императора вином и музыкой. Ли Тао внимательно посмотрел на нее.

– Мужчинам, привыкшим к войне, сложно найти себе занятие в мирное время, – провозируя свою соперницу, заметил Ли Тао. – Они жаждут вновь ощутить вкус рукопашной, почувствовать дыхание смерти у себя за спиной.

Тончайшая морщинка залегла на ее переносице. Наместнику понравилось ставить ее в неловкое положение.

- Так же как и вы, вероятно, скучаете по всем этим заговорам и интригам, госпожа Лин.
- Скучаю? – Ее мелодичный голос внезапно сорвался. – Каждый день во дворце я боролась за свою жизнь.

Лин Суинь окинула его пристальным взглядом, и жесткий наместник почувствовал сталь в ее характере, несмотря на ее элегантную и утонченную внешность. Отблеск обнаженного клинка в шелках пышного платья. Неуловимый и ускользающий. Неудивительно, что художники и поэты пытались ухватить ее сущность, передать в картинах и стихах. Но Ли Тао просто пленил прекрасную соблазнительницу по причинам не ясным даже ему самому.

Во всем виноваты его глаза, решила Лин Суинь. Именно они пугали его противников. Бездонные, черные, глубоко посаженные – ни намек на доброту и сострадание. Глаза человека, способного на все. Тонкая полоска шрама, искажавшего его черты, лишь усиливала злое впечатление от всего облика.

И как соответствовали ему эти слова о битвах. Она чувствовала его пристальное внимание, понимала, что наместник пытался прочесть ее тайные мысли, так же как и она старалась понять, что сокрыто в его душе. Взгляд, которым он удостоил ее сейчас, не был доброжелательным... но не был и безучастным. Лин Суинь ощутила внезапный прилив крови к лицу. У нее сильнее забилося сердце. Почему ее тело так реагирует? Почему этот мужчина вызывает в ней такие эмоции? И почему это случилось именно сейчас, когда ей следовало бы думать только о своем спасении?

Он наклонился ближе:

- Жизнь с постоянным чувством опасности изменила вас.

Что-то в этой ремарке показалось ей угрожающе личным. Тень улыбки осветила его лицо. Лин Суинь нервно коснулась пальцем поверхности стола. Взгляд его стал еще более пристальным.

- Меня устраивает спокойствие. Я была счастлива в своем доме у реки.

– В одиночестве и всеми покинутая? Прекрасной Лин-гуйфэй не предназначено увядать в забвении.

- Не зовите меня так.

«Драгоценная супруга» Лин. Замечание Ли Тао ранило ее сильнее, чем можно было предположить. При императорском дворе даже имя ручной зверушки обретало статус официального звания. Лин Суинь попала в особый мир, и ей суждено было принадлежать ему до конца жизни. Уже очень давно госпожа Лин не вела подобных разговоров, и ей это нравилось, несмотря на колкости и опасные намеки.

Лин Суинь удалилась в изгнание, ее уделом стали одиночество и пустые, бессодержательные дни. Однако сейчас, впервые в жизни, она чувствовала себя свободной. Внезапно Суинь ощутила, как утомил ее этот обмен репликами с Ли Тао, осознала, как устала она от необходимости быть каждое мгновение настороже.

– Насколько я себя помню, любой мужчина, который встречался мне в этой жизни, хотел заполучить меня в постель или убить, – горько проговорила госпожа Лин. – Скажите мне, к какому из двух типов вы относитесь, и я буду знать, какую маску мне надеть.

Ли Тао резко выпрямился, задетый ее прямой:

- А к какому типу относится Гао?

Она нахмурилась:

– Гао Шимин? – Несмотря на прошедшие годы, один звук его имени заставил похолодеть от страха. Это было самое худшее, что только Лин Суинь могла себе вообразить.

- Что ему нужно от вас?

– Я не знаю. Я для него ничто. – Внутренне она пылала под настойчивым взглядом наместника, задавая себе вопрос, допрашивал ли неумолимый воин людей, чью жизнь ему предстояло забрать. Или просто выполнял императорскую волю.

– Так, значит, вы вступили в схватку со старым Гао за императорский престол? – заметила госпожа Лин с нарочитой небрежностью.

– Похоже, вас это не пугает.

– При императорском дворе все заговорщики.

– Трон мне не интересен, – заявил Ли Тао.

– Я редко ошибаюсь.

Он улыбнулся, услышав ее предположение, и продолжил разговор уже с большей горячностью:

– Империя пала потому, что слишком держалась за идею одного царства и одного правителя. Сын Неба, правящий Срединным царством. Этой мечты больше не существует.

Лин Суинь поморщилась, услышав столь циничное высказывание.

– Это подозрительно похоже на измену.

Одного такого высказывания об императоре было достаточно, чтобы быть заподозренным в предательстве, но и у Ли Тао в подчинении находилась хорошо обученная армия преданных воинов. Он поднялся, и госпожа Лин заметила, что наместник так и не прикоснулся к еде или питью, осторожный даже в собственном доме. Она уставилась на тарелку, вспоминая о тех днях во дворце, когда каждый кусок мог оказаться последним.

– Это не просто похоже на измену, – возразил он, заходя ей за спину. Мурашки побежали по ее позвоночнику. – Это и есть измена.

Его длинные пальцы вцепились в спинку кресла, выражая превосходство и власть. Лин Суинь похолодела, не в силах взглянуть на него, страшаясь того, что может ей открыться. Его длинная тень словно поглотила ее. Пространство внезапно съежилось, и она почувствовала себя в ловушке.

– Император Шэнь объявил, что собирается сократить провинциальные армии. – Голос Ли Тао звучал холодно и тихо.

– И вы отказались выполнять его распоряжения?

– Я не позволю ему испортить все мои планы, все мои приготовления. Наши враги – кочевники – только и ждут малейшей возможности, чтобы атаковать границы империи. Стоит лишь выказать слабость.

Лин Суинь вздохнула с облегчением, когда он отступил в сторону. Цзедуши стали слишком сильными, слишком могущественными. Люди, подобные Ли Тао и Гао Шимину, прислушиваются только к себе. Она больше не желала участвовать в их играх. Пусть военачальники ведут свои битвы. Все, что ей нужно, – вернуться в дом у реки, где бы ее наконец оставили в покое и забвении. Однако даже там стало теперь небезопасно – прошлое настигло ее.

Сейчас, когда Ли Тао стоял так близко, его присутствие сковывало. Лин Суинь могла лишь размышлять о возможных способах вырваться из ловушки, в которую попала. Она могла стать любовницей Ли Тао. Судя по тому, как наместник пожирал ее глазами, Лин Суинь знавала, что он не будет возражать. Еще даже не коснувшись его, прекрасная соблазнительница могла вполне представить себе, каким он будет любовником. Огонь и сталь. Ли Тао потребует полного подчинения, но он может стать и бесстрашным ее защитником. От одной только мысли об этом Лин Суинь ощутила тревожный холодок, смутное волнение, причину которого сама не могла понять.

Сколько же раз в этой жизни ее продавали и покупали. Нет, она больше не желала торговать собой. Только не теперь, когда наконец ощутила вкус свободы. Госпожа Лин повернулась к суровому воину, однако ей так и не удалось заговорить.

Один из стражников приблизился к ним. Ли Тао взглянул на него и быстро оставил свою собеседницу, едва кивнув на прощание. Еще мгновение назад он нависал над ней, подавляя мощью и непоколебимой уверенностью. И вот уже удаляется прочь, будто она столь незначительна, что недостойна дальнейшего внимания.

Лин Суинь проводила внушительную фигуру Ли Тао взглядом, когда тот вышел во двор. Ее вооруженный сопровождающий снова оказался рядом. Воин неподвижно стоял подле нее словно огромная скала и терпеливо ожидал, когда она поднимется. И похоже, мог бы пробыть в том же положении до вечера, если бы госпожа Лин вознамерилась здесь остаться.

Вероятно, Гао решил использовать ее, чтобы каким-то образом уязвить Ли Тао, подумала Лин Суинь. Она отчаянно нуждалась в сведениях, однако Ли Тао открыл ей лишь ничтожную часть. Но даже этого было достаточно, чтобы Лин Суинь поняла, что ей необходимо как можно скорее бежать из этого дома. Два могущественных военачальника готовились начать гражданскую войну, в которую втянутся другие наместники провинций, да и сам император.

Она встала и направилась в свои покои. Стражнику, который неотступно следовал за ней, словно вторая тень, исполнилось, вероятно, немногим больше двадцати зим – не ветеран, но и не зеленый новобранец. Лицо его никак нельзя было назвать мягким, однако оно казалось определенно добрее, чем суровая и бесстрастная маска Ли Тао.

Расположенный во втором внутреннем дворике сад был пуст. Впрочем, не совсем. Юноша с искалеченной рукой сидел на корточках в дальнем углу, вытаскивая сорную траву. Он был таким худощавым и незаметным, что Лин Суинь не сразу разглядела его. И снова он поймал ее взгляд, прежде чем поспешно отвернуться в сторону. Когда ты слаб и зависишь, подумала госпожа Лин, единственная защита – смотреть, слушать и запоминать, почти как испуганный кролик, принимающий надежду ощутить приближение волка. Всю свою жизнь она играла роль этого кролика, и главным было – не выказывать страха.

Стражник сделал ей жест, побуждая продолжить движение. Приподнял руку и указал на лестницу. Насколько тверды люди Ли Тао? Служат ли они ему за страх или за совесть?

– Как тебя зовут? – поинтересовалась Лин Суинь у воина, поставив ногу на ступеньку.

– Яо Жу Шань.

Она прислушивалась к его размеренной поступи, пока они поднимались вверх.

– Должно быть, ты совершил великие деяния, чтобы тебе доверили столь почетную должность, – рискнула предположить Лин Суинь.

Ответа не последовало. Тишина. Ей отчаянно необходимо было найти хоть кого-нибудь в этом доме, кто не был бы столь скуп на слова.

Дойдя до двери, ведущей в ее покои, госпожа Лин медленно повела плечами, уронив шаль. Тонкая ткань переливающейся волной обвила ее тело и соскользнула на пол. Лин Суинь остановилась, давая Жу Шаню достаточно времени, чтобы наклониться и поднять шаль. Распрямившись, воин поймал ее взгляд и неловко склонил голову. У него было широкое, почти квадратное лицо, на котором ясно читались обуревавшие стражника чувства. Добродетель, верность, преданность.

Она сдержала торжествующую улыбку, принимая из его рук невесомую вещь.

– Спасибо тебе, Жу Шань.

Преданностью можно воспользоваться. Она взглянула на стражника еще раз, открыла дверь и скрылась во внутренних покоях.

Лин Суинь еще не поняла, кто из встреченных ею слуг будет до конца верен наместнику Ли, однако ей следовало действовать как можно быстрее. Она прекрасно сознавала, чем все может закончиться. Император Шэнь и другие военачальники настигнут Ли Тао. Они прорвутся через заграждения и укрепления и сметут его армию. И если мятежный наместник сам не покончит счеты с жизнью, бросившись на меч, его вздернут на виселице.

Глава 3

Воины, подчиненные Ли Тао, собрались перед ним полукругом во двореке позади дворца. За их спинами открывался вид на глубокое ущелье. Наместник Ли призвал к себе всех командиров из самых отдаленных застав провинции, чтобы лично раздать указания. Он хотел взглянуть в глаза каждому. Теперь, более чем когда-либо, преданность подвластных ему воинов была для него вопросом жизни и смерти.

– Наместник Ли.

Голос Лин Суинь отозвался гулким эхом в ущелье, напомнив ему о ветреных прелестницах Лояна. Они ворковали и заигрывали, высываясь из обращенных на улочки окошек, однако их посулы никогда не предназначались ему. Ли Тао подчеркнуто не обращал на нее внимания, повернувшись спиной к прекрасной пленнице.

– Мой господин, мне надо кое-что обсудить с вами, – небрежно проговорила она. – Ах, простите меня. Не заметила, что вы заняты.

Седовласый Чжао потрясенно обернулся:

– Лин-гуйфэй?

Похоже, остальные мужчины не заметили столь вопиющего нарушения правил приличия. Глаза всех устремились туда, откуда недавно раздавался голос знаменитой красавицы. Даже самые выдержанные из них были не в силах противостоять искушению.

– Досточтимые!

Одного резкого замечания оказалось достаточным, чтобы все головы вновь повернулись к нему. Командиры вытянулись, готовые внимать его словам.

Лин Суинь никогда не делала ничего просто так. Она грамотно рассчитала момент, чтобы продемонстрировать свою решимость. Уже к полудню слухи о «драгоценной супруге» поползут по военным лагерям.

Что за соблазнительную картину представляла собой бывшая императорская наложница, элегантно облокотившаяся о загородку балкона, вызывая восторг его суровых воинов. Он видел тайное вожделение, отчетливо написанное на лице каждого мужчины. Кровь Ли Тао гневно вскипела.

И как только Божественный император мог жить с осознанием того, что каждый мужчина желает его наложницу? Безусловно, Сын Неба наделен особой милостью богов и не мог страдать от уколов обычной ревности, однако Ли Тао был всего лишь мужчина.

А Суинь – не его наложница.

Наместник Ли выслушал донесения и отпустил предводителей отрядов. Он повернулся к ней лишь только тогда, когда удалился последний воин.

– Да, гуйфэй?

Сегодня на ней были голубые одежды, навевавшие воспоминания о прохладном ветерке и бездонном небе. Лин Суинь чуть подалась вперед, облокотившись руками о перила и раздраженно постукивая пальцем о полированное дерево.

– Мне не нравится, когда меня так называют.

– В таком случае, госпожа Лин. Что вы хотели со мной обсудить?

– Искусные работы художников в этих покоях.

– Здесь нет никаких работ.

– Вот именно.

Беседа с ней напоминала замысловатые фигуры танца. Ли Тао замер в ожидании.

– Если вы собираетесь держать меня пленницей в этой комнате, мне нужно что-то, на чем мог бы отдохнуть взгляд, помимо четырех пустых стен, – заметила она.

– Вы – не пленница.

Суинь недоверчиво уставилась на него:

– Нет?

– Пройдите к двери.

Ли Тао не смог удержать глупую улыбку, когда она скрылась за занавесом. Буквально спустя мгновение Лин Суинь выбежала из дома. Она направилась напрямик к нему, чуть приподняв подол юбки. Жу Шань неотступно следовал за ней.

Ли Тао мельком взглянул на нее, не позволяя глазам надолго задерживаться на созерцании ее красоты. Волосы ее были убраны в аккуратную, элегантную прическу⁹, щеки слегка подрумянены. И в этих намеках, полутонах – вся Лин Суинь.

Она подошла к нему и встала так близко, что ей пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть ему в глаза.

– Что же, я могу отправиться куда захочу?

Ли Тао покачал головой:

– Дом и сад в полном вашем распоряжении.

– Но не более того?

– В любом другом месте я не могу гарантировать вашей безопасности.

Госпожа Лин иронично усмехнулась:

– Безопасности...

Даже в ее негодовании таилось нечто притягательное. Ли Тао всегда считал, что сила и привлекательность куртизанки состоят в обольщении, умении завлечь праздной беседой и грубой лестью. Натура Суинь казалась гораздо более сложной.

Она показала рукой на освободившийся двор:

– Это были ваши знаменитые военачальники?

– О, вы приготовили для них захватывающее зрелище. Если бы мои воины были молоды и дерзки, кто-нибудь из них обязательно бы воткнул мне нож в спину, чтобы завладеть вами.

– Как военным трофеем, – со вздохом продолжила Лин Суинь. – Божественный император всегда высоко ценил ваших воинов, их отвагу и дисциплину. Как только молодой армии удалось снискать такую блестящую репутацию?

Наместник Ли лишь пожал плечами в ответ на неприкрытую лесть.

– Молодым требуется показать себя и доказать воинское умение в бою.

– И их командиру?

– Думаю, вам на самом деле это совсем не интересно.

Лин Суинь гордо подняла голову, не удостоив его ответом. Когда она отошла прочь, Ли Тао неожиданно обнаружил, что покорно следует за прекрасной наложницей к обрыву, словно в ней была заключена какая-то магия.

– Этот дом выглядит так, будто вот-вот упадет в бездну. – Лин Суинь уставилась в бездонную пропасть.

– Скала создает естественную защиту. Так проще охранять дворец.

– Вы когда-нибудь видели дно ущелья? – Она приблизилась вплотную к краю пропасти и встала так, что мыски сандалий почти нависли над бездной. Снизу повеяло прохладным ветерком.

– Отойдите, – предупредил Ли Тао. Ему хотелось схватить ее в объятия и оттащить в безопасное место.

Лин Суинь немного помедлила, прежде чем повиноваться. Ветер донес до него едва ощутимое прикосновение шелка ее одежд. Он вздохнул, потом медленно выдохнул воздух. Ли Тао

---

⁹ В эпоху Тан женской прическе придавалось особое значение. Волосы собирались высоко в пучок, прически имели такие названия, как «узелок, всматривающийся в богов», «пучок облака», «сошедший сверху (с небес) пучок» и т. д.

стоял неподвижно, у него лишь бешено забилося сердце. Она играла с ним. И он... он позволял ей это.

– Вы прекрасно понимаете, что привезти меня сюда равнозначно тому, чтобы выказать императору открытое неповиновение. – Слова звучали как строгое предупреждение, однако голос ее словно ласкал его кожу. – Будет лучше, если вы просто отпустите меня на свободу. Какой от меня прок, когда у вас достаточно воинов, чтобы заполнить пространство от этой скалы до моря.

– Куда вы отправитесь? – спросил наместник. – Старый Гао ищет вас. Он только и ждет того, чтобы вы остались одна.

Лин Суинь неловко сглотнула:

– И снова Гао...

– В тот день Гао послал по вашу душу убийц. – Ли Тао подошел к ней еще ближе, едва в силах побороть неудержимое желание прикоснуться. – Вам совсем не меня следовало бы бояться.

– Вы его остановили? Почему?

Почему? – задал себе вопрос Ли Тао. Он совсем не похож на героя, готового безрассудно броситься на защиту несчастной женщины, пусть даже и такой прекрасной.

– Я очень благодарна, поверьте... Все это время я думала, будто я... будто вы... – Она заморгала, смущенная и уязвимая.

– Мне не нужны ваши благодарности, – резко возразил Тао. – Все, что мне надо, – ответы.

Лин Суинь вздрогнула, и маска вновь сковала ее черты. Хорошо, подумал наместник. Ему было гораздо проще иметь дело с искусной и опытной куртизанкой.

– Что же вы такого сделали, чтобы Гао стал вашим врагом? – задумчиво поинтересовался Ли Тао.

Ее взгляд затуманился.

– Надо полагать, мне и в самом деле известно несколько маленьких секретов наместника Гао Шимины.

Суинь не знала, что именно вынуждало биться ее сердце быстрее – бездонная пропасть позади или его внушительное присутствие. К нему страшно было приблизиться, Лин Суинь испытывала странное чувство, зная, что никто и ничто больше не разделяет их.

– Всем известно, что Гао страстно стремится к императорскому трону, – пробуя почву, заметила Суинь.

Наместник взглянул на нее с едва сдерживаемым нетерпением:

– Меня не интересует то, что известно всем, моя госпожа.

Выражение спокойной уверенности, застывшее на его лице, пленяло. Лин Суинь никогда не видела ничего подобного. Все в нем – начиная от почерневшей от загара кожи и заканчивая коротко стриженными волосами – резко контрастировало с внешним видом обычного высокого сановника при императорском дворе. Он пристально вглядывался в ее лицо, словно вынуждая бывшую «драгоценную супругу» раскрыть свои секреты. Красота, застывшая в резких чертах его лица, почти пугала.

– Должна ли я составить для вас весь список? Рассказать о каждом заговоре, организованном Гао Шиминой? Он пользовался влиянием при дворе трех императоров.

– Тогда скажите мне, что в его действиях можно назвать предательством?

Следовало вести себя осторожно. Хранимых ею тайн достаточно, чтобы расстаться с собственной головой.

– Неужели такому человеку, как вы, столь уж важен повод?

Он выглядел очень спокойно.

– Человеку как я...

Ли Тао посмотрел на нее так, что у нее перехватило дыхание. Она не знала ответов. Мятежный военный наместник обладал силой столь яростной и мощной, что никто не осмеливался напрямую бросить ему вызов, даже император Шэнь. И он спас ей жизнь.

Лин Суинь вовсе не желала натравливать одного важного сановника на другого, играя на их противоречиях. Она никогда не использовала свои тайные знания и умения для плетения подобного рода интриг. Все, что ей нужно, – остаться в живых. А кроме того, видя столь очевидную одержимость и целеустремленность Ли Тао, она сильно сомневалась в том, что ей удалось бы им манипулировать.

– Гао стар и хитер, – продолжил он, так и не дождавшись от Лин Суинь ответа. – Гораздо умнее меня. Возможно, умнее вас. Может быть, он сам задумал весь этот план, захотел, чтобы вы оказались в моих руках.

У Лин Суинь уже мелькала аналогичная мысль, которую она отчаянно пыталась гнать прочь.

– Гао не имеет ко мне никакого отношения. Мы даже ни разу не разговаривали за все эти годы.

Внезапно Ли Тао придвинулся к ней совсем близко, закрыв широкими плечами дом. Суинь попыталась отступить, однако зиявший позади нее провал не давал возможности скрыться.

– Вы пытаетесь соблазнить меня с самого первого момента нашей встречи, – небрежным тоном наместник бросил свои обвинения ей в лицо.

– Это было бы с моей стороны довольно глупым поступком.

И опасным.

– Нет? Тогда почему вы так на меня смотрите?

– Не понимаю, что вы имеете в виду.

За столько лет Лин Суинь привыкла играть окружающими, бросая им манящие взгляды и тайные намеки. Возможно, это стало частью ее натуры.

Наместник сделал еще один шаг в ее сторону, и в горле у нее пересохло. Каждый вдох давался с большим трудом. Бывшая «драгоценная супруга» императора не могла позволить загнать себя в угол. Глаза Ли Тао загорелись хищным блеском.

– Я мог бы принять во внимание это предложение, – вкрадчиво сказал он ей на ухо. – В другой ситуации.

Суинь густо покраснела, не в силах унять предательскую дрожь. Однако это не имело ничего общего с желанием. Скорее с контролем, стремлением к самообладанию. Ли Тао же полностью держал себя в руках. Лин Суинь оценивающе взглянула на неподвижную фигуру перед собой.

– Так же как и я, – ответила она. – Если бы вы не были на волосок от смерти.

Его лицо потемнело. Слишком большой риск связываться с таким человеком, как Ли Тао, подумала Лин. Человеком, которого не страшат последствия. Когда она попыталась осторожно его обойти, он схватил ее за руку. Хватка его не была жесткой, однако госпожа Лин так и не смогла высвободить запястье.

– Значит, все это притворство? Подделка? – прозвучал его вопрос.

– Да. Все. – Голос ее звучал спокойно, несмотря на бешеное биение сердца.

Госпожа Лин привыкла к тому, что мужчины не сводили с нее глаз, любовались ею, желали. Восхищенные взоры оставляли ее сердце равнодушным, однако выражение глаз Ли Тао словно разбивало тщательно возведенные бастионы защиты. Жар, исходящий от его руки, проникал сквозь тонкую материю ее одежд. Все в нем подавляло спокойствием и силой: властная, высокая фигура, твердые очертания губ, пылающий взгляд. Едва надавив пальцами на ее руку, он притянул Лин Суинь вплотную к себе.

Она ожидала встретить яростный натиск его губ, но не могла и предположить нежности и чувственности поцелуя. Ее уста раскрылись, едва он испробовал их вкус. Ли Тао коснулся кончиками пальцев ее щеки жестом, казалось бы, незначительным, но неоспоримо свидетельствующим о его ласковой власти и стремлении к обладанию. Она почти позволила его глазам приблизиться. Почти поддалась напору и пылу, медленному натиску его губ. Лин Суинь недвижимо воззрилась на него, разрешая поцелуй, но не сдаваясь.

Ли Тао приподнял ее голову, вплотную нависая над ней. Она чувствовала на себе ласковый трепет его дыхания, их поцелуй продолжался.

– Все – обман?

– Я была воспета правителями и поэтами, но вы, только вы тронули мое сердце.

Лин Суинь произнесла эти слова насмешливым шепотом, однако Ли Тао лишь улыбнулся в ответ:

– Мне нравится ложь.

Его низкий, грубоватый голос вызывал внутренний трепет. Если бы она не сводила глаз с его лица, то рухнула бы в бездонную пропасть чувств и ощущений. Ли Тао было невозможно «прочсть». Взгляд его был полон желания, пространство между ними словно заволочено тяжелым, непроницаемым туманом. Однако было в нем и нечто еще – нечто говорящее о его неукоснительном контроле и расчетливости.

– Обладая таким лицом, вы должны иметь бесчисленное множество любовников.

Удивительно нежные пальцы коснулись линии ее подбородка, продолжая лихорадочно ощупывать ее лицо. Лин Суинь просто необходимо было высвободиться. Он действительно поймал ее в ловушку.

– Вы ошибаетесь, – прошептала бывшая наложница. – Я выбираю любовников очень тщательно.

– Я никогда не жду услуг даром. Особенно от вас.

– Насколько я о вас слышала, вы небольшой любитель переговоров, – попыталась уколоть его она.

– Подарите мне всего одну ночь.

Решительный и резкий отказ замер у нее на губах. Это предложение, высказанное столь открыто и недвусмысленно, не должно было бы вызвать волну обжигающего желания, накрывшую ее с головой, или сладостное томление между ног, струйками полупрозрачного дыма расплывшееся по телу.

Казалось, и сам Ли Тао был встревожен своими словами.

– Вас это не должно удивлять, – язвительно проговорил он, однако внезапно охрипший голос прозвучал без присущей ему обычно уверенности.

– Я уже вам сказала, что не участвую в подобных сделках.

Впервые в жизни женский инстинкт подвел Лин Суинь. Ей следовало бы повернуть эти переговоры в свою пользу, но она могла думать только о том, как окажется в объятиях Ли Тао, как их пышущие горячим жаром тела сольются в единое целое, плоть к плоти. И тогда поцелуй его уже не будет столь сдержанным.

Однако госпожа Лин также прекрасно сознавала и то, что стояло за яростным биением его сердца, лихорадочным жаром прикосновений. Всего лишь желание властного правителя приобрести нечто недоступное, недостижимое. Едва она даст ему то, к чему он так стремится, вся ее привлекательность и власть над ним растают как дым.

На лице Ли Тао появилась слабая улыбка.

– Значит, ответ «нет».

– Ответ «нет».

Госпожа Лин обошла его, стараясь избежать прикосновений. Ее колени дрожали.

– Если бы я не явился за вами, вы бы были мертвы, – напомнил наместник, слегка придерживая ее.

– Ли Тао. – В этом столь прямом обращении была скрыта неуместная фамильярность. – Я прекрасно понимаю, что вы действовали не из добрых побуждений. А теперь покажите мне оставшиеся закоулки этой тюрьмы, поскольку, как я понимаю, мне придется здесь на какое-то время задержаться.

Ли Тао шел позади нее, сцепив руки за спиной. Любому стороннему наблюдателю они могли показаться любезно беседующей парой, хотя Лин Суинь понимала, что оказалась втянутой в смертельную схватку между Гао Шимином и Ли Тао, двумя тиграми: одним старым и хитрым, другим – яростным и молодым.

Глава 4

Лоян – 737 год н. э. 22 года назад

Улицы Лояна никогда не спали. После удара гонга, возвещавшего о наступлении ночи, створки ворот закрывали, однако пирушки и азартные игры могли продолжаться за стенами домов до рассвета. Что лишь усложняло нелегкую жизнь вора, которому приходилось буквально выбиваться из сил в поисках пропитания.

Днем Тао удавалось перехватить клубень сладкого картофеля с телеги странствующего торговца и быстро скрыться в запутанном переплетении узких улочек и тупиков позади торговых рядов. Он мог приткнуться в какой-нибудь вонючей подворотне и с наслаждением жевать сырой клубень, вгрызаясь в его жесткую кожуру. Пока Тао был еще совсем мальчишкой, тощим, как палка, и едва достигавшим до пояса взрослому мужчине, подобные затеи беспрестанно сходили ему с рук – максимум, что ему грозило, – заполучить хорошую трепку. Эти затрещины лишь закалили его, сделав нечувствительным к жалящим ударам бамбуковой палки. Теперь же, когда мальчик стал старше, стоявшие на городской стене лучники могли проткнуть его насквозь стрелой, прежде чем он успеет скрыться в толпе. У Тао не оставалось выбора, кроме как дожидаться наступления темноты, обеспечивающей ему хоть какое-то прикрытие. Однако жизнь в городе все равно не затихала, а патрульная стража казалась еще бдительнее, чем днем.

Игральные притоны и дома удовольствий напоминали своеобразные дворцы среди трущоб этой людской клоаки. Заправлявшие ими хозяева были людьми жестокими и грубыми. Малейшее неподчинение грозило бедой. В укромных уголках Лояна проворачивались темные делишки, однако там всегда могла найтись работа для того, кто знает закоулки столицы лучше, чем водившиеся в ней в изобилии крысы.

Фэн, главарь шайки разбойников восточного квартала, стоящий в тупичке позади питейного заведения, протянул Тао нож. Узкая полоска света, проникавшего сквозь приоткрытую заднюю дверь, едва дотягивалась до них. Из кухни доносился запах жареного мяса. Этот жирный, насыщенный аромат едва не довел Тао до слез.

– У таких мальчишек, как ты, не может быть хорошего ножа. – Фэн оскалился, обнажая неровные желтые зубы. – Будет выглядеть очень подозрительно, если тебя поймут с таким ножом.

Полученное Тао оружие тускло блеснуло ржавым лезвием. Он крепко ухватил нож за рукоятку. Мальчик не спрашивал, что за человека хотел убить Фэн. К чему все эти сведения, когда решение принято и нет пути назад.

– Меть точно в сердце.

Фэн ткнул костлявым пальцем в грудную клетку мальчика, и Тао едва удалось справиться с приступом гнева от пережитого унижения. Кожа да кости, едва оформившиеся плечи.

– Нанеси верный удар и резко выдерни лезвие, – поучительно заметил Фэн и еще раз ткнул мальчика пальцем в грудь. – Даже если ты промахнешься, он долго не протянет.

Тао спрятал нож на боку и так сильно сжал его в руке, что мгновенно затекли пальцы. Грубая рукоятка врезалась в ладонь. Ему не нужно было идти далеко – лишь пересечь улицу и притаиться в темном углу, откуда был виден выход из питейного заведения. С верхней террасы дома, где знатные чиновники пировали и развлекались с доступными женщинами, доносились раскаты смеха. Все, что оставалось сейчас делать, – дожидаться, пока спустится нужный ему человек.

Ноги Тао затекли от ожидания. Он прислонился спиной к оштукатуренной кирпичной стене. Час за часом знатные чиновники протискивались в дверь, наступая на подолы своих богато украшенных, роскошных одеяний. Наконец смех на террасе умолк. Бумажные фона-

рики, подвешенные на деревянных балках стены, по-прежнему светились, однако звон посуды прекратился.

Нужного Тао человека не было. Фэн дал лишь одну ночь на то, чтобы мальчишка справился с заданием, а этот богач не пришел. Или Тао пропустил его в те мгновения, когда глаза его слипались от усталости. В отчаянии он решил открыть дверь и взбежать по лестнице, чтобы найти нужного человека. Но далеко ли доберется чумазый уличный попрошайка в жалких обносках?

Двое мужчин, спотыкаясь, протиснулись сквозь расшитый бисером занавес на улицу. Тао застыл, ладонь, в которой был зажат нож, покрылась липким потом.

Двое. Он не ожидал этого. Любой из них мог справиться со слабым юношей, почти ребенком.

– Еще один! – Знатный посетитель едва стоял на ногах, раскачиваясь из стороны в сторону. Он был одет в роскошный голубой халат – примета, по которой Тао должен был узнать жертву. – Еще один на дорожку.

Его приятель рассмеялся и снова поставил пьянчугу в вертикальное положение.

– Здесь больше не осталось ни капли, приятель.

Сейчас. Тао бросился вперед, не задумываясь о том, как он сможет противостоять двум взрослым мужчинам. Как только приятель жертвы заметил, что мальчик появился на улице, выражение его лица застыло, однако мужчина не позвал на помощь. Он лишь сильно напрягся и отошел в сторону.

Тао бросился вперед, как тигр. Он не смотрел в лицо человека в голубом халате. Все внимание его было приковано к той точке между ребрами, которую ему недавно показал Фэн. Нож резко взметнулся вверх, и Тао вложил в удар все свои силы, стремясь пронзить насквозь шелк богато украшенных одежд и заплывшую жиром плоть. Только так, не останавливаясь... Единственный выход.

Горячая, густая кровь окропила его руку, от меди старого кинжала резко пахло, как в мясницкой лавке. Мужчина захрипел и закашлялся. И только тогда Тао взглянул в его лицо. Лучше бы он этого не делал. Заплывшие жиром щеки и трясущийся подбородок, расширившиеся от удивления глаза. В глазах жертвы промелькнул момент осознания – хмельная беззаботность внезапно покинула умирающего.

Лезвие ножа сломалось, и Тао отскочил в сторону, выдергивая рукоятку. Он помчался прочь, стараясь скрыться в темном переулке. В любую минуту крики приятеля убитого могли привлечь городскую стражу, Тао почти слышал свист летящей стрелы. Он представил, как она вонзится в спину и проткнет насквозь его сердце, как то ржавое лезвие, которое только что вошло в грудь знатного господина.

Тао впервые отнял чужую жизнь. Он не чувствовал ни радости, ни сожаления. Правда заключалась в том, что мальчик не ощущал вообще ничего. Ничего, даже отдаленно напоминавшего ему нервное оживание или вспышку голода, граничащего с животным желанием, охватывавшим его после похищения еды с рынка.

Тао нашел Фэна в условленном месте. Гадко улыбаясь, главарь шайки разбойников бросил три монеты в ладонь Тао.

Тао сам не знал, куда шел, он миновал дом удовольствий, и ноги привели его к знакомой лачуге, приткнувшейся на тихой, спокойной улочке. На небе занималась заря, однако кругом стояла особая тишина, обычно предшествовавшая гонгу, возвещавшему о начале работы рынка. Окошко тетушки было открыто. Пожилая женщина верила, что с ней не случится ничего плохого. Стоя на ступеньке крыльца, Тао слышал, как она помешивает в горшочке с рисом, предназначенным на завтрак. Жар ее очага доходил до него, теплый и сладкий, завлакивающий сознание и манящий к себе.

Тао еще раз взглянул на спрятанные в руке монетки – слабо поблескивавшие серебряные кругляши, испачканные рыжими пятнами. Он дочиста протер монеты рукавом и бросил их в окно, прежде чем развернуться и скрыться прочь.

Настоящее время – 759 год н. э.

Лин Суинь легко удалось влиться в привычный ритм распорядка дня, едва наместник освободил ее из заточения в гостевых покоях. Вся хозяйственная жизнь в доме была четко организована в сдвоенном внутреннем дворе. Каждое утро Лин слышала, как слуги подметали его мощеную поверхность. Из садика доносилось шелканье ножниц садовника. Кухня находилась в руках лысого повара, которого все звали просто Повар. Отряд воинов охранял внешние границы дворца, однако они редко появлялись во внутренних помещениях. Наблюдая за ними из окна, Лин Суинь могла судить по их перемещениям о наступившем времени суток.

Жизнь вошла в обычную колею. Неспешную и упорядоченную, создававшую ощущение ложной безопасности и спокойствия. Ли Тао часто покидал дом до рассвета, удаляясь верхом в сторону бамбукового леса. Поздно ночью Лин Суинь видела, как в его кабинете загорался светильник. Спустя всего два дня после того, как она получила свободу передвижения по дому, госпожа Лин обнаружила, что из садика видно его окно.

Каждый день она ждала встречи с ним. Ведь он устроил ей настоящий допрос, отпускал эти язвительные реплики и... поцеловал. Его поцелуй был таким же загадочным, как и сам Ли Тао. А потом еще это презрительное предложение провести с ним ночь – одну ночь в его постели. Однако наместник вовсе не искал после этого общества прекрасной наложницы.

Каждое утро тетушка приносила ей поднос с чаем и едой, попутно сообщая новости о ценах на зерно, а также о том, что собирается приготовить днем Повар. Сегодня принесенный ею рисовый отвар застыл холодной массой, а сама тетушка казалась странно молчаливой, помогая Суинь одеться.

– Будьте осторожны, – предупредила тетушка, затягивая на Суинь пояс. – Сегодня неблагоприятный день.

Гадание было излюбленной забавой тетушки. Она могла пересчитать дни на пальцах и объявить, какой из них – благоприятный, а какой – нет. Тетушка уже успела предсказать, что этот год станет непростым для Суинь. Несложное предвидение, учитывая то, что один мятежный цзедуши ее похитил, а другой намеревался убить. Тетушка в счастливом неведении умышленно упускала из виду просто вопиющие обстоятельства, ведя себя как жаба, сидящая в колодце и не видящая ничего дальше его стенок. Госпожа Лин задумалась, насколько Ли Тао ставил в известность слуг о своих планах.

Ее утренняя прогулка по саду прошла в необычной тишине. Слуги собрались в покоях у входа во дворец. Они теснились ближе к центральным дверям, вытягивая шею, внимательно что-то высматривая.

– Это снова случилось, – пробормотал один из них.

– Почему все разговаривают шепотом? – спросила, приблизившись к ним, Суинь.

– Невежественные крестьяне, – насмешливо воскликнула тетушка, продолжая тем не менее пятиться назад.

Слуги расступились, давая Лин Суинь возможность пройти через раскрытую настежь входную дверь. Площадка напротив крыльца была пустой, лишь изредка шевелились тени, отбрасываемые гигантскими стеблями бамбука.

– Здесь же ничего нет. – Суинь внезапно обнаружила, что сама невольно стала разговаривать шепотом.

Слуги сгрудились у нее за спиной.

– Там, между двумя статуями львов.

Один из домочадцев указал ей место. На верхней ступеньке крыльца лежал красный сверток – яркое, словно кровавое, пятно на белом камне.

– Это появилось ночью.

– Точно так же, как и в прошлом году.

– Так же как и каждый год.

Лин Суинь обернулась к челяди:

– Что это?

Слуги безмолвно покачали головой, тетушка обеспокоенно сжала руки и тоже ничего не сказала. Очевидно, все ждали, что госпожа Лин что-нибудь предпримет, полагаясь на ее особый статус.

Лин Суинь снова посмотрела на обернутый шелком сверток. Ее рациональный ум подсказывал, что все это не имеет отношения к мистике. Кто-то подбросил сверток, чтобы разжечь слухи. Она решительно расправила плечи и ступила на крыльцо.

– Госпожа Лин, подождите!

Помощник садовника Цзюнь впервые заговорил с ней. Не задумываясь, он дернул ее за рукав здоровой рукой, однако, смутившись, отпрянул в сторону.

– Будьте осторожны, – предупредил он.

Лин Суинь была тронута таким проявлением галантности.

– Здесь нечего бояться, – попыталась убедить она слуг, однако голос ее прозвучал жутко в безмолвной тишине.

Все это превращалось для Суинь в настоящее испытание воли. Слуги были охвачены чувством страха и любопытства и внимательно следили, что она предпримет. Госпожа Лин не могла упустить возможность показать им свою власть. Поэтому, глубоко вздохнув, она ступила за порог.

Ее охранник Жу Шань уверенно шагнул вслед за ней, едва она подошла к ступенькам. Вообще он стал ее постоянной тенью, неотрывно сопровождая каждый день с того момента, как она только переступала порог своих покоев.

– Ты знаешь? – спросила его Лин Суинь.

Жу Шань медленно покачал головой и внимательно всмотрелся в окружающий их бамбуковый лес. Когда они приблизились к свертку, воин положил руку на меч, будто сверток мог прыгнуть на него подобно змее. Что же это за зловещая посылка? И где пребывает сам Ли Тао, когда его слуги так напуганы? – подумала госпожа Лин.

Лин Суинь присела, чтобы поднять сверток, и быстро выпрямилась. Ничего не произошло. Ей показалось, что под шелковым покрывалом скрываются острые края деревянной шка-тулки. Не в силах устоять, Лин Суинь тщательно ощупала таинственную посылку, пытаясь определить ее содержимое.

– Госпожа Лин! – Из внутренних покоев ее окрикнула тетушка, словно обеспокоенная мать, чей ребенок убежал слишком далеко. – Возвращайтесь в дом.

Суинь прижала крепче шкатулку и бросила последний взгляд на лес, пристально всматриваясь в бесконечный танец бамбуковых стеблей. Треск насекомых призывно звучал из густых зеленых зарослей. Слуги опять столпились вокруг нее, не спуская глаз с обернутой шелком шкатулки. Никто не осмеливался просить госпожу Лин ее открыть.

– Где наместник Ли? – спросила она.

Тетушка кивнула в сторону коридора, ведущего в главные покои:

– В своей опочивальне.

– В опочивальне?

Обычно Ли Тао покидал покои еще с зарей. Любопытство собравшихся возросло еще больше. Лин Суинь не могла удержаться от мысли о странной, почти мистической силе, таящейся в шкатулке, которую держала в руках. Шкатулка была обернута в шелковую тряпицу на

манер свадебного дара или праздничного подношения. Ее сердце забилося сильнее, когда она прижала к себе маленький сверток, переполошивший весь дом.

– Я отнесу ему это, – уверенно заявила Лин.

Домочадцы кивнули, словно заговорщики, задумавшие вместе с ней общее дело. Тетушка прошла рядом с ней пару шагов и отошла в сторону в самом начале коридора. Лин Суинь догадалась, что никто и никогда не ступал по этому коридору, кроме Ли Тао.

Жу Шань даже не попытался ее остановить, дав возможность госпоже Лин идти первой. С каждым днем он постепенно терял над ней власть. Изменения были такими незначительными, что сам воин почти не замечал их, однако пленница очень внимательно следила за всем происходящим.

Над двойными дверьми в конце коридора висело даосское зеркало¹⁰, призванное отгонять злых духов. Должно быть, его повесила тетушка. Ли Тао не производил впечатление человека, верящего в мистические символы.

Лин постучала:

– Наместник Ли?

– Гуйфэй? – раздался изнутри его удивленный, низкий голос.

И почему он настойчиво продолжает называть ее так? Этот титул не значил уже ничего.

– Вам посылка.

Тишина, потом едва слышный шорох.

– Войдите, – наконец произнес Ли Тао.

Лин Суинь осторожно, двумя пальчиками толкнула дверь. Ли Тао сидел на стуле, приклоненном к противоположной стене, облаченный в обычные темные одежды. Свет проникал сквозь вожденные пластинки расположенного у него за спиной окна, но его лицо казалось полускрытым тенью. С другой стороны покоев, в небольшом углублении, виднелась кровать.

Увидев ее, Лин Суинь подумала о том, что в ее визите в личные покои Ли Тао есть нечто неприличное. Она пожалела о своем безрассудстве.

– У меня есть кое-что для вас.

Он уставился на сверток в ее руках:

– Пройдите и закройте дверь.

Госпожа Лин застыла на пороге. Она была слишком потрясена, чтобы повиноваться его приказу. Жу Шань напряженно стоял за ее спиной. Его растущая с каждым днем верность ей могла пригодиться, однако прямое неповиновение наместнику могло стоить им обоим жизни. Лин Суинь поспешно проскользнула в комнату и закрыла за собой дверь.

И снова она оказалась наедине с военачальником. Тайна шкатулки внезапно померкла – бывшую наложницу переполняли совершенно иные, гораздо более личные впечатления. Она прислонилась к стене, стараясь сохранить дистанцию.

– Я не видел вас много дней, – заметил Ли Тао.

– Наместник, вы прекрасно знаете, как меня найти. Вряд ли бы мне удалось укрыться от вас, – иронично проговорила Лин Суинь, стараясь избавиться от охватившей ее неловкости.

Ли Тао продолжал сидеть на стуле не двигаясь.

– Вы были заняты, – продолжала она.

– Да.

– Это... это подбросили в дом прошлой ночью.

Лин Суинь все более смущалась. Их встречи с наместником оканчивались одинаково – она попросту теряла почву под ногами. В последний раз, когда они разговаривали, он поцеловал ее – хотя это было скорее вызовом, чем поцелуем любовника.

---

¹⁰ Наряду с конфуцианством и буддизмом даосизм, или учение о великом «Пути», был основным религиозно-философским течением в Китае. Даосизм, конфуцианство и буддизм сосуществовали в Танском Китае.

Наместник посмел нагло предложить ей провести одну ночь в его постели. И теперь каждую ночь, проведенную вдалеке от его спальни, она думала о его предложении. Теперь Лин Суинь стояла здесь, и от одного только воспоминания об его словах у нее перехватило дыхание.

Проглотив комок в горле, она протянула Ли Тао шкатулку:

– Это подарок?

– Откройте.

Лента выскользнула из ее пальцев, едва Суинь развернула шелк, вытаскивая шкатулку из палисандрового дерева. Крышка шкатулки была украшена овальной нефритовой пластинкой.

– Загляните внутрь. – Казалось, каждое слово дается наместнику с трудом.

Лин Суинь медленно расстегнула медную застежку и, когда внутри сверкнула сталь, едва не уронила шкатулку. Там лежал кинжал с треугольным, зловеще поблескивающим лезвием. Трясущимися руками она поставила шкатулку на стол и быстро вернулась на место.

– Мне льстит, что старик прислал мне такое прекрасное оружие, – заметил Ли Тао.

Все его внимание было приковано сейчас к ней, его ледяной взгляд и манера поведения выдавали в нем совсем другого человека, не похожего на того, что совсем недавно столь соблазнительно касался ее губами. Что-то узкое и темное мелькнуло в его ладони.

– Я всегда знал, что его люди скрываются в самом сердце империи.

Лин Суинь похолодела. У него в руке был зажат нож, который наместник небрежно покручивал между пальцами.

Она отпрянула от шкатулки:

– Вы ошибаетесь. Я не имею к этому никакого отношения.

Бесполезно просить пощады. Ведь недаром о нем говорят: «Когда Ли Тао придет за тобой, твои мольбы не будут услышаны». Кровь резко отлила от ее лица, в голове роились беспорядочные планы спасения.

– Он и вас нашел в Лояне? – презрительно поинтересовался военачальник.

Вопрос застал ее врасплох. Ли Тао вскочил на ноги, и Суинь отодвинулась подальше, уткнувшись в спинку кровати.

– Он знал, как можно распорядиться вашей красотой.

– Гао?

Неужели Ли Тао каким-то образом догадался о ее связи с пожилым военачальником?

Она вздрогнула, когда собеседник схватил ее за подбородок и заставил взглянуть в глаза.

– Правители Поднебесной не в силах устоять перед такой красотой.

В его словах не было лести. Ли Тао по-прежнему держал в свободной руке нож. Эта угроза внезапно вернула ее мысли на много лет назад, в совсем другое место. Тот же ужас пронзил ее. Мужчина, пришедший за ней тогда, смотрел теми же холодными глазами, предлагая ей выбор – нож или яд.

– Я не имею никакого отношения к Гао. – Что бы ни разузнал неумолимый вершитель императорской воли, она должна убедить его, что ни к чему не причастна.

– Нет, не Гао.

Двигаясь быстрее змеи, он пригвоздил ее кисти к спинке кровати. В его руках все еще поблескивал нож. Лин Суинь простонала, когда костяная спинка вонзилась в запястье.

– Вас послал Лао Соу? – требовательно спросил наместник.

– Кто?

– *Вас послал старик?*

– Я не знаю никакого старика. Меня никто не посылал.

– Кто-то очень захотел, чтобы вы здесь оказались. Со мной.

Лицо его нависло над ней страшной, неподвижной маской – упрямо вздернутый подбородок, твердо сжатые губы. Если она позовет на помощь, Жу Шань не раздумывая ворвется в личные покои наместника, но Ли Тао непременно убьет их обоих. Ее тюремщик не давал

ей возможности пошевелиться, и Суинь не могла ничего предложить ему, не могла заключить сделку. Никогда еще она не чувствовала себя такой беспомощной.

Лин Суинь оставалась в живых лишь по какому-то необъяснимому его капризу. Ведь ничто в мире не могло его разжалобить. Ни слабость, ни слезы, ни ложь. Ее отчаянная мольба вылилась в поток слов:

– Неужели вы думаете, будто кто-то мог послать меня вас убить? Что я могу войти в ваши покои и сделать это, а вы будете безучастно смотреть? Вы сами забрали меня из моего дома. Все, что мне надо, – вернуться назад.

Ли Тао по-прежнему держал ее, прижав к кровати, буквально подавив своей силой и мощью. Что-то блеснуло в его взгляде. Хватка ослабла, и Суинь смогла освободить руки.

Она подумала, что он снова поцелует ее. Ли Тао был так близко, жар его присутствия окутывал. И тут ее настигла дикая мысль, что она и сама жаждет поцелуя.

– Вы знаете, кто послал эту шкатулку. – Дыхание ее прервалось. – Тот, кто делает вам такие же подношения каждый год.

– У меня много могущественных врагов.

Ли Тао продолжал смотреть на нее, резкая морщинка залегла у него на переносице. Лин Суинь боялась пошевелиться, чтобы снова не пробудить таившегося в нем демона. Грудь Ли Тао вздымалась и опадала, синяя жилка бешено пульсировала на загорелой шее, и страсть Лин Суинь переросла в желание. Тело ее невольно изогнулось в ответном порыве. Так происходило между ними всегда, и она никак не могла понять почему.

– Что это означает? – спросила Лин Суинь.

Напоминание о кинжале нарушило его оцепенение. Ли Тао бросил еще один взгляд на открытую шкатулку:

– Оставьте меня.

Глава 5

Как только Ли Тао отпустил ее, Лин Суинь вылетела из комнаты и спотыкаясь побежала по коридору. Она все еще ощущала на себе прикосновения его грубых рук, придавивших ее к спинке кровати, не дававших возможности даже пошевелиться.

Тетушка стояла в конце коридора, на лице ее застыло выражение сильного беспокойства.

– Госпожа Лин?

Суинь пронеслась мимо пожилой женщины, мимо столпившихся в гостиных покоях слуг.

– Моя госпожа, что случилось?

Тетушка выбежала в сад вслед за ней. Не в силах перевести дыхание, Суинь опустилась на один из плоских камней, лежавших среди мягкой травы. Ей надо как можно скорее бежать отсюда. Пленивший ее военачальник не просто груб и безжалостен, похоже, он одержим безумием.

– И в самом деле – неблагоприятный день! – воскликнула Суинь. – Вы знали, что может произойти, ведь так?

Старушка остановилась в нескольких шагах от Лин Суинь, скромно сложив руки перед собой. Суинь схватилась за лежащий рядом с ней гладкий камень, стараясь унять бешеные удары сердца. Всегда все заканчивается этим – нож к горлу, мужчина, явившийся, чтобы заставить ее замолчать. Когда она покинула дворец, то поклялась, что никогда больше не позволит себе быть пешкой в игре борющихся за власть мужчин. Кому-то сильно понадобилось, чтобы она оказалась здесь, – ее уверенность в этом только крепла.

– Тетушка надеялась, что госпожа сможет убедить хозяина Ли.

– Убедить в чем?

Старушка отшатнулась в сторону, испугавшись ее гнева, однако Суинь не испытывала угрызений совести. Ли Тао замахнулся на нее ножом. Да, он прямо не угрожал ей, но дело не в этом. Гораздо более ужасало случившееся потом. Всю свою жизнь госпожа Лин старалась держаться подальше от подобных мужчин, а теперь, несмотря на инстинкт самосохранения, ее отчаянно тянуло к Ли Тао. Соблазн силы. Раньше она никогда не верила в подобные рассказы.

– В чем я могу убедить его? – повторила Лин Суинь свой вопрос и с трудом поднялась на ноги. – Я пленница, привезенная сюда против моей воли.

Из глубины дворца раздался сильный шум. Командный голос Ли Тао гулким эхом отражался от стен, послышался топот. Суинь вздохнула с облегчением, сознавая, что их с наместником разделяет достаточно большое расстояние.

– Хозяин Ли – хороший человек. – Тетушка осмелилась подойти к ней ближе, чтобы поправить рукава ее халата. – Вы – единственная, кого он послушает.

– Он не слушает никого.

– Это неправда! Хозяин теперь проводит здесь больше времени. Он постоянно справляется о вашем самочувствии.

Он спрашивал о ней у тетушки? Скорее всего, чтобы выведать какие-нибудь секреты, подумала Суинь.

Она в смятении отпрянула прочь:

– Если бы он не превращал во врагов всех окружающих, ему бы не пришлось жить в постоянном страхе.

Лин Суинь даже не осознавала справедливость этих слов, пока не произнесла их вслух. Ли Тао боялся чего-то, боялся точно так же, как и она сама. Очевидно, тетушка сильно беспокоилась за хозяина. Старушка доверяла ей, и Суинь было просто необходимо придумать способ, как использовать ее веру себе на пользу. В этом заложен ее шанс на спасение.

– Тетушка, наместник постоянно говорит о неповиновении и сопротивлении. – Она осторожно понизила голос. – Боюсь, все это уничтожит его.

– Хозяин – не предатель. Он хороший человек.

Суинь виновато смотрела, как на старушечьих глазах выступили слезы.

– Шкатулка – это предупреждение, так? – спросила Лин Суинь.

Было заметно, что тетушка очень хотела ответить, однако лишь сильнее сжала губы и украдкой взглянула на дом.

– Наместник Ли уехал, – успокоила ее Суинь. – Что означает шкатулка? Ваш хозяин когда-нибудь упоминал о старике?

Наместник хотел выведать у нее о *старике* – Лао Соу... Да, именно так назвал его Ли Тао, когда прижимал Лин Суинь к кровати. Обычное прозвище, даже не имя...

– Старик? Наш Повар старый...

Суинь нетерпеливо вздохнула:

– Нет, не Повар.

– Коробка – это напоминание, – прошептала тетушка, едва шевеля губами, несмотря на то что все домочадцы находились от них на почтительном удалении и не могли ничего услышать. – Хозяин и не подозревает, что я знаю, но тетушка все помнит. Когда-то это было знаком милости. Теперь – предупреждение.

– Милости?

– Милости Божественного императора.

– Божественный император умер. Он упокоился с миром уже два года назад.

– Мне прекрасно это известно, – фыркнула тетушка. Пожилая женщина не выглядела запуганной. – Император посылал хозяину Ли каждый год подарки как знак отличия за верную службу. После его смерти кто-то продолжает доставлять дары, чтобы напомнить хозяину о преданности империи.

Суинь удержала при себе циничный ответ. Совершенно очевидно, что либо Гао, либо какой-то другой противник мятежного цзедуши послал кинжал, чтобы скомпрометировать Ли Тао. Однако, вне зависимости от обстоятельств, тетушка всегда будет думать о хозяине только самое лучшее.

Она должна использовать страх и преданность тетушки Ли Тао себе на пользу, решила Лин Суинь и, приобняв старушку за худые плечи, торжественно произнесла:

– Ли Тао отказался присягнуть на верность императорскому престолу. Как вы думаете, сколько пройдет времени, прежде чем император Шэнь публично сместит его с должности?

Тетушка побледнела, однако лишь согласно кивнула. Если пожилая женщина знает об армиях и оборонительных укреплениях, ей должно быть также известно, что дни Ли Тао сочтены.

– Госпожа может убедить его передумать. Он ловит каждое слово госпожи. Так покорен красотой гуйфэй, что боится моргнуть, когда вы находитесь рядом, чтобы не упустить из виду.

– Гордость вашего хозяина не позволит ему это сделать, – возразила Суинь. – Однако я обладаю определенным влиянием на императора Шэня.

Глаза тетушки зажглись от восторга, она даже не догадывалась об обмане. Бывшая «драгоценная супруга» не имела никакой власти, особенно после беспорядков и восстаний, следовавших за смертью Божественного императора. Ей еще повезло, что император Шэнь позволил ей покинуть дворец и не лишил свободы и даже жизни.

– Если мне удастся послать письмо в Чанъань, я замолвлю в нем слово за вашего хозяина, – предложила бывшая наложница.

– Но кто доставит это письмо?

Взгляд Лин Суинь остановился на Жу Шане, стоявшем в другом углу небольшого садика. Ли Тао избрал для ее охраны честного и благородного человека, преданностью которого можно

воспользоваться, прикинула она. Тетушка согласится с ее выбором. Милая старушка очень заботилась о Ли Тао. Никто на свете не сражался с таким же жаром за жизнь Суинь. Она всегда была предоставлена сама себе, даже находясь под покровительством Божественного императора.

Императорский двор уже успел забыть, что она вообще существует. Однако император Шэнь был справедливым правителем. Если он узнает, что Ли Тао похитил бывшую «драгоценную супругу», то может потребовать ее возвращения. Она покинет этот дворец прежде, чем многочисленные враги Ли Тао явятся сюда за его головой.

Когда женщины вернулись в дом, план Суинь был уже готов. Тетушка услала слуг прочь, потом подозвала Суинь к заветному коридору. Жу Шань молча сопровождал их. Сурового стража оказалось очень просто привлечь на свою сторону. Защита беспомощной женщины от несправедливого правителя вполне соответствовала его кодексу чести.

Лин Суинь почувствовала укол совести. Как же просто было манипулировать доверием пожилой женщины и преданностью воина. Она сплела паутину лжи как всегда безупречно и умело. Однако у Суинь почти не оставалось выбора. Никто не в силах спасти Ли Тао. Он сам выбрал свою судьбу, отказавшись подчиниться воле императора. И все-таки Лин Суинь надеялась, что все обойдется без кровопролития. Ли Тао вряд ли захочет рисковать своим положением ради того, чтобы держать ее в плену. И когда Суинь окажется на свободе, возможно, ей удастся облегчить его участь.

Да и, в конце концов, какое ей дело, что станет с Ли Тао. Она опять забыла о своих целях. Следует попытаться сконцентрироваться.

Тетушка поспешно просеменила по коридору, остановившись у дверей хозяйской спальни. Даже несмотря на отсутствие Ли Тао, Суинь не могла отделаться от ощущения его близости.

– Никому не позволено входить в личные покои хозяина, – быстро проговорила тетушка, вставляя ключ в дверь. – Поторопитесь!

Ли Тао доверял тетушке как никому другому. Это рождало у Лин Суинь самые невероятные предположения о связывавших их отношениях.

Тетушка открыла дверь, однако внутрь не вошла. Пожилая женщина просунула голову в щель, словно страшась того, что хозяин внезапно вернулся. Удовлетворившись, что его нет, она подозвала Суинь.

– Хозяин помнит расположение вещей, – предупредила тетушка прежде, чем пропустить ее внутрь.

Деревянный письменный стол был установлен ровно под отверстием в крыше, сделанным, чтобы обеспечить проникновение в дом солнечных лучей. Суинь подбежала к столу, схватила чистый лист бумаги и спрятала его в рукаве. Она очень надеялась, что наместник не пересчитывает листы в стопке. Потом нагнулась, чтобы подобрать чернильный камень¹¹ и кисточку. Все эти письменные принадлежности следовало после вернуть на место. Суинь не могла удержаться от краткого осмотра стола, однако, по-видимому, Ли Тао никогда не оставлял переписку на виду.

Лин Суинь уже совсем собралась покинуть его покои, однако не смогла справиться с переполнявшим ее любопытством. Кабинет казался таким же простым и аскетичным, как и весь дом. Голые, ничем не украшенные стены... И как Ли Тао мог день за днем смотреть на

---

¹¹ Чернильный камень (тушечница) часто называют одним из «сокровищ китайского художника и каллиграфа». Представлял собой каменную палетку – плоскую форму, иногда украшенную орнаментом. Тушечницу использовали для растирания чернил. Древние китайцы приписывали изобретение тушечницы Желтому императору – Хуан-ди, согласно легенде правившему около 2600 г. до н. э., легендарному правителю Китая и мифическому персонажу, который считается также основателем даосизма и предком всех китайцев.

эту безликую обстановку? Неужели его не волновало ничто, кроме обдумывания планов сражений?

У противоположной стены, рядом с книжными полками, стоял небольшой шкаф с закрытыми дверцами. В нем обязательно должно храниться что-нибудь, что помогло бы ей понять, что представляет собой Ли Тао как человек. Несмотря на то что она собиралась вскоре покинуть этот дом, Лин Суинь чувствовала настоятельную потребность узнать о правителе Ли побольше.

На случай, если ей удастся каким-то образом использовать эту информацию.

Так же как и совсем недавно тетушка, Суинь осмотрелась по сторонам, вглядываясь с беспричинной тревогой в темные углы комнаты. Она явственно представила себе Ли Тао, сидящего в одиночестве за столом с единственным зажженным перед ним светильником.

«Будь уверена в своем успехе, и никогда не проиграешь». Ее хозяйка из дома удовольствий часто повторяла эти слова. Лин Суинь произнесла их про себя.

Дернув за ручку, она обнаружила, что шкаф не заперт. Дверцы легко распахнулись, приоткрывая коллекцию кинжалов, один в один похожих на тот, что лежал в шкатулке. Их почерневшие лезвия образовывали устрашающий стальной веер, тщательно закрепленный на внутренней стенке шкафа. Взмолнованно задержав дыхание, Суинь пересчитала кинжалы. Их было пятнадцать.

На следующее утро Суинь начала всерьез опасаться, что тетушка сотрет до кости все пальцы, так часто она сжимала их. Лин Суинь усадила старую служанку и налила им обоим чай.

– Тетушка выглядит не очень хорошо, – мягко заметила она.

– Госпожа очень добра, но с тетушкой все в порядке...

– Возможно, тетушке следовало остаться сегодня в кровати, – многозначительно перебила ее Суинь. – Пусть кто-нибудь другой поухаживает за наместником.

Ли Тао немедленно заметит нервное поведение тетушки и поймет, что что-то здесь не так, обеспокоилась Лин Суинь. Задуманный ею план уже начал претворяться в жизнь, и оставалось только терпеливо ждать. Она надеялась, что со временем тетушке удастся справиться с чувствами и научиться держать себя в руках.

Когда раздался стук в дверь, старушка пролила чай на стол. Суинь оставила ее и поспешила к входу в свои покои.

На пороге, стараясь не смотреть ей в лицо, стоял помощник садовника. Она почувствовала острую жалость к юноше, заметив, как он пытается скрыть увечную руку, повернувшись боком.

– Хозяин Ли желает вас видеть. Он в саду, – застенчиво произнес Цзюнь.

Госпожа Лин вздохнула с облегчением. Они будут находиться вне дома на виду у слуг. После того как Ли Тао напугал ее, она не могла рисковать снова оказаться в ловушке. Тетушка продолжала стоять в покоях Суинь. Лин Суинь ободряюще ей кивнула и вышла в коридор.

Цзюнь следовал рядом с ней. Долговязый и тощий, по-юношески неуклюжий. Она успела заметить, что Ли Тао хорошо кормит слуг, однако для Цзюня была характерна особая жилистая худоба, свойственная людям, проводившим детство в голоде и нищете. Суинь нередко видела таких в своей родной деревне и на улицах Лояна.

– Ты давно служишь наместнику? – спросила она.

Пришлось приложить усилия, чтобы разобрать невнятный ответ.

– Восемь лет, госпожа Лин.

Какую, однако, противоречивую картину представляет собой Ли Тао. Умелый военачальник, размышляла про себя Суинь. Его воины были дисциплинированны и преданны, о нем говорили, что он возвеличивает подвластных ему людей согласно их мастерству и умениям, а

не богатству и знатности. Так же, как и Божественный император. И тем не менее военачальник окружает себя такими нелепыми и странными слугами.

– А где ты жил до этого? – спросила она, надеясь немного развлечь себя беседой, спускаясь по ступенькам во второй дворик.

– В монастыре... В приюте, – поправился Цзюнь. – Тетушка попросила хозяина Ли забрать меня оттуда.

– Это было очень великодушным поступком с его стороны. – Значит, он способен на доброту. И кажется, относится к тетушке с большой предупредительностью и уважением, сделала Лин Суинь для себя вывод.

Цзюнь внезапно остановился у самого входа во дворик:

– Госпожа Лин?

– Да?

Он склонил голову:

– Вы очень красивы.

Несмотря на свойственную женщинам ее положения и образа жизни пресыщенность подобного рода комплиментами, его искренность тронула Лин Суинь. Этот скромный мальчик, невинный и надеющийся на лучшее, ничего не ждал в обмен на свои льстивые слова.

– Спасибо на добром слове, господин Цзюнь, – заметила она с улыбкой.

Он отчаянно покраснел и больше не мог взглянуть на гостью, молча сопровождая ее по саду.

Они прошли через полукруглую арку, и все внимание Суинь оказалось прикованным к Ли Тао. Тот стоял в тени изящной беседки из кедрового дерева. Именно стоял, а не сидел. Похоже, наместник никогда не делал лишних шагов или ненужных движений. Он повернулся и окинул ее внимательным взглядом, следя за ее приближением. Дикая и необузданная сторона его натуры, казалось, исчезла. По крайней мере, Лин Суинь очень на это надеялась. Ее пульс забился быстрее.

– Госпожа Лин.

Ли Тао пригласил ее присесть, указав рукой на скамейку, однако она замерла у входа в беседку, отказываясь подходить ближе. Цзюнь остановился рядом с ней, выглядел он очень смущенным.

– Трудно оставаться любезной, когда в последнюю нашу встречу вы угрожали мне ножом.

Спокойное лицо Ли Тао нахмурилось. Взмахом руки он отпустил Цзюня, и мальчик быстро скрылся из вида, занявшись каким-то делом в саду.

– Я напугал вас, – произнес наместник Ли. – Прошу простить меня. Пожалуйста, присядьте.

Его внешняя вежливость и любезность не убедили ее. Лин Суинь вошла по деревянным ступенькам в беседку и заметила, что тень усталости залегла у Ли Тао на лице. Суинь обошла наместника и присела на каменную скамейку.

Ее сердце бешено стучало не только от страха. Близость его горячила ей кровь, искушая бросить вызов судьбе. Что делало Ли Тао еще более опасным, чем Гао и все остальные могущественные интриганы, когда-либо строившие против нее заговоры. Когда наместник присел по другую сторону стола, Суинь была счастлива, что их разделяет дополнительный барьер.

– Жу Шань в отъезде, – произнес Ли Тао. – Мне необходимо назначить вам другого телохранителя.

Лин Суинь расправила рукава и элегантно сложила руки на столе, стараясь скрыть нервозность. Она прекрасно знала, где сейчас Жу Шань. Он воспользовался предложением навестить больного отца, чтобы выполнить ее поручение.

– Вы боитесь, что я убегу, наместник Ли? Не тревожьтесь – я заблужусь в бамбуковом лесу, прежде чем смогу отыскать дорогу.

– Вас не следует оставлять одну. Особенно после того, что случилось.

«Что случилось?»

– Мне пока еще никто не угрожал, кроме вас.

Он надолго замолчал, и Лин Суинь испугалась, что повела себя слишком резко.

– Примите мирное подношение, – наконец сказал наместник.

Ли Тао поставил обернутый тканью сверток на стол. Суинь с удивлением смотрела на наместника, жестом повелевшего ей открыть подарок. Воистину, это самое странное из ее знакомств. Она даже не могла точно определить, кем был для нее Ли Тао – советником, защитником, компаньоном?... Безумцем.

Возможно, Лин Суинь и сама была безумной. Почему же ее так искушает возможность принять его сомнительное покровительство? Ей хотелось спрятаться в этом доме, стоящем в окружении бамбукового леса.

А ведь ее послание императору уже приближается к столице. Даже если бы Ли Тао и не был столь непредсказуемым, она не могла бы остаться. Когда сюда явится император Шэнь, ее также могут счесть заговорщицей, не вникая в то обстоятельство, что госпожа Лин содержалась здесь помимо своей воли. Или, что еще хуже, придя с мечами и стрелами в гнездо мятежа, императорские слуги просто не станут выяснять, кто есть кто.

Лин Суинь потянулась, чтобы развязать ленту на свертке, однако смущенно остановилась, вспомнив другой подарок, который она совсем недавно открывала в присутствии Ли Тао.

– Это не ловушка, – ободрил наместник, когда Суинь взглянула на него.

Образ пятнадцати кинжалов преследовал ее. Лин Суинь боялась спросить о странной посылке, будто эта тайна могла причинить ей вред, если она ее раскроет.

Пока прекрасная пленница возилась с узлами, Ли Тао, отклонившись назад, сосредоточенно ее разглядывал. Его подарок производил нелепое впечатление, принимая во внимание все обстоятельства, и в то же самое время казался удивительно искренним. Оберточная ткань упала, открыв лакированную шкатулку с перламутровой инкрустацией. Когда Лин Суинь открыла крышку и увидела внутри музыкальный инструмент, у нее на мгновение перехватило дыхание. Вид шелковых струн, туго натянутых на лакированной поверхности цитры¹², пробудил в Суинь восторг. Она оставила свой цинь¹³ в доме у реки вместе со всеми остальными личными вещами.

– Инструмент прекрасен.

– Мастер сказал, что это его лучшая работа, – заметил Ли Тао. – Но я не разбираюсь в таких вещах.

Лин Суинь провела пальцами по полированной поверхности деки, коснулась струн. Ясные, четкие звуки чисто прозвучали в сгустившемся воздухе.

– Вы просто сияете. – В голосе воинственного наместника звучала тайная радость.

Она взглянула на него, от всей души желая не замечать притаившегося в его глазах спокойного удовлетворения. Его взгляд был устремлен прямо на нее.

– Вы когда-нибудь слышали мою игру, наместник?

– Не имел такой чести.

– Хозяйка Лин научила меня. Она научила меня всему. – Прекрасная соблазнительница вынула инструмент из футляра и осторожно положила на колени. – В Лояне я играла на цине по часу каждую ночь, – заметила она, возбужденно шепча, пока настраивала струны. – Всего лишь один час, не более того. Я могла прикрыть глаза и играть, а все эти мужчины сходили с ума от любви ко мне.

---

¹² Цитра – струнный щипковый музыкальный инструмент.

¹³ Цинь – древняя китайская цитра. Традиционное название – цинь, современное – гуцинь, что означает «древний цинь» или цисяньцинь – «семиструнный цинь».

Его губы скривились в неопределенную гримасу.

– Все до единого?

– Все до единого.

В доме удовольствий Лояна она сидела за непрозрачным занавесом, чтобы создать атмосферу таинственности. Богатые покровители выбивались из сил, чтобы хоть мельком увидеть искусную исполнительницу. Они были готовы заплатить за это огромные деньги.

И хотя некоторые предложения казались просто заоблачными, хозяйка обычно отвергала их, гордясь своей сметливостью. «Образ богини, который они создают у себя в голове, гораздо более привлекателен, чем тот, который ты сама сможешь когда-либо создать».

Родители Лин Суинь, отказавшиеся от всяких прав на нее, думали, что отдадут девочку замуж за торговца. Они и не догадывались, что хорошо одетые слуги на самом деле похищали детей для дома удовольствий. Владелица притона – хозяйка Лин – дала молодой невольнице свое имя, ставшее впоследствии известным по всей Поднебесной.

Ли Тао удобно уселся на скамейке. Суинь надела на пальцы костяные колпачки и извлекла несколько нот, погружаясь в звук и ритм инструмента.

– Какую песню вы хотите услышать? – спросила она.

– Я не знаю никаких песен.

То, как он смотрел на нее, наполняло ее сердце предчувствиями. Ли Тао положил руки перед собой на стол; казалось, он наконец-то немного расслабился. Лин Суинь потрясли сокровенность и личный характер ситуации – она собиралась дарить ему наслаждение своей игрой, и между ними не было ничего. Ни занавеса, ни дешевых уловок Лояна.

Да, ничто не стояло между ними – лишь обман и предательство. Она задумала интригу, желая избавиться из заточения, а он каким-то образом хотел использовать бывшую императорскую наложницу в своих политических целях.

– Эта мелодия вам понравится, – пообещала Лин Суинь. Она пристально посмотрела на струны. – Она повествует о битве.

Руки госпожи Лин были тонки и изящны. Они порхали над инструментом, то касаясь шелковых струн, то останавливаясь на лакированной деке. Отдельные ноты словно плыли по воздуху, еще не успев сложиться в мелодию. Выражение ее лица стало необыкновенно спокойным. Она приподняла голову, словно прислушиваясь к неведомым ему звукам музыки сфер. Возможно, так Лин Суинь обретала способность читать в умах людей, улавливая скрытый смысл в голосе и интонациях.

Наконец она расправила плечи и возложила руки на струны. Лин Суинь выдохнула, собралась и начала играть.

Одна из многочисленных легенд, связанных с ее именем, гласила, что Лин-гуйфэй удалось околдовать Божественного императора музыкой, вспомнил Ли Тао. Говорили, что, играя на цине, она может управлять Вселенной, подчинять себе деревья и звезды. Все это, конечно, поэтическая ерунда, но музыка ее словно врывается в его тело, проходя насквозь. Ритм заставлял кровь быстрее струиться по венам.

Она играла, прикрыв глаза. Ли Тао также закрыл свои, будто внезапно обретая возможность объединиться с нею во тьме. Госпожа Лин сказала, что мелодия посвящена битве, однако образы, мелькавшие в его голове, ничем не напоминали ему о тех многочисленных сражениях, в которых он побывал за свою жизнь. Не было ни статных боевых лошадей, ни летящих по ветру знамен, ни сражающихся отрядов. Лишь темнота и чистый звук окружали его, скапливаясь в мельчайших частичках его сущности.

Желание переполняло его, эти ритмичные тупые удары вызывали настоящую боль, которой он не мог позволить вырваться наружу. Ли Тао вцепился в подлокотник скамьи.

Лин Суинь, безусловно, относилась именно к тому типу людей, которых Лао Соу старался привлекать на свою службу, – талантливая, находчивая, хитрая. Однако все равно Ли Тао безрассудно жаждал обладать ею. Неужели старик предвидел это?

Когда умолкли финальные аккорды, наместник Ли открыл глаза.

– Вам понравилось? – Суинь продолжала играть.

Вторая мелодия окатила его разум ковшом холодной воды, однако оказалась не в силах облегчить боль, обжегшую тело.

– Вы хорошо играете.

– Воистину, пылкая похвала, – с легким недовольством заметила она. Пальцы ее продолжали нежно перебирать струны.

– Вы не устали от комплиментов? Взгляните тогда на Цзюня. Он боится моргнуть, опасаясь потерять вас из виду.

Лин Суинь рассмеялась, и звук ее смеха прохладным ветерком ударил Ли Тао в грудь. На другом краю двора Цзюнь склонился над посадкой с клубникой, догадавшись, что пойман с поличным. Ли Тао не мог винить мальчика. Люди старше и знатнее его падали к ногам прекрасной соблазнительницы. Музыка убаюкивала, создавала ощущение мира, которое суровый воин почувствовал впервые за много лет. Ему хотелось с головой погрузиться в сладостные думы и принять предназначенное.

– Куда вы уезжаете каждый день? – спросила Лин Суинь внешне безучастным тоном.

– Вряд ли эти места способны вас развлечь.

Должно быть, именно так ей удавалось выведывать тайны у самых могущественных мужчин империи, подумал наместник. Он не владел искусством заполнять тишину прazдной беседы, однако внезапно осознал, что с удовольствием бы сделал это. Чтобы вознаградить ее за миг волшебства.

– Я получил еще одно высочайшее повеление предстать перед императором Шэнем в Чанъане, – заявил Ли Тао. В этом признании не было ничего тайного – императорский указ оглашался по всей Поднебесной.

Нежная музыка прервалась, чтобы продолжиться снова. Лин Суинь вздрогнула, ощутив неприятный холодок.

– Значит, вы должны отправиться ко двору и помириться с императором Шэнем. – Суинь старалась не поднимать глаз от инструмента.

Неужели в ее голосе прозвучала озабоченность? – задавался вопросом Ли Тао.

– Стоит мне явиться в Чанъань, я буду мертв.

– Если вы откажетесь, вас повесят как изменника.

– Изменников обезглавливают, Лин-гуйфэй, – мягко поправил он.

Она накрыла рукой струны, прекращая игру:

– Почему вы упорно продолжаете так меня называть?

– Чтобы напомнить себе, что вы не моя.

Повисла тишина.

– Но вы не хотите меня! – резко воскликнула Лин Суинь. – Вам нужна всего лишь одна ночь.

– Одна ночь может продлиться очень долго.

Румянец, появившийся на ее щеках, застал его врасплох.

Ли Тао был уверен, что искусство флирта давно уже стало второй натурой дорогой куртизанки.

– Я бы не хотела видеть вас повешенным... или обезглавленным.

– Я не сдался бы без борьбы, – пообещал он.

– Война и смерть. Это все, что знаете вы и вам подобные. – Лин Суинь отложила в сторону цинь с таким видом, будто инструмент больше ее не радовал.

– Это предписание – западня, – пояснил Ли Тао. – Чанъань полностью под властью двора и императора. Я сам решу, как мне поступить с тем, что меня там ждет.

Суинь умолкла. Она задумчиво постукала пальцами по столу, подбирая правильные слова.

– Пожалуйста, подумайте еще раз, – произнесла, наконец, Лин Суинь.

– Тут не о чем думать. Гао держит двор в своих руках, – возразил Ли Тао.

Она издала нетерпеливый возглас:

– Я же говорила тетушке, что вы никого не слушаете.

После этих слов между ними воцарилось напряженное молчание. Они смотрели друг на друга, как противники на поле боя. Однако Лин Суинь не была ему врагом. Ли Тао очертил пальцами контур ее губ, коснулся изящной шейки. Дыхание Суинь участилось. Никто другой не посмел бы советовать ему отступить. И уж точно никому не пришло бы в голову заботиться о его благополучии.

Она была прекрасна.

Она была сложна и непредсказуема.

Наместник Ли не доверял ей ни на минуту, однако все равно отчаянно желал. Дисциплина и осторожность теряли для него значение, когда она была рядом.

– Ответьте мне на один вопрос, – попросила Лин Суинь. – Что означал кинжал?

– Это напоминание.

– О чем?

– Об осаде крепости Шибао.

– Битва с Тибетом¹⁴.

Конечно, Лин-гуйфэй знала историю. Ведь она пятнадцать лет была главной наложницей Ли Мина. Делила постель с императором. Негодование и обида обожгли Ли Тао. Ревность к покойному суверену. Что может быть более недостойным?

– Одно из самых страшных поражений в истории, – проговорил он.

– Но вы удостоились высочайших похвал после этой битвы. Ваше имя стало известно всем.

– Незаслуженно. – Ли Тао никогда не был покорным слугой. Если Суинь хотела воззвать к его чести и обязательствам перед тронem, то ее старания были напрасны – он не испытывал подобных чувств. – В конце концов, все долги должны быть уплачены. Смысл посылки этого кинжала в том, что невозможно противиться неизбежному, которое настигает, несмотря на все предосторожности.

Если бы его прекрасная гостья знала правду, что скрывается за славными легендами! Он вовсе не был героем. Ли Тао едва поборол искушение поведать ей обо всем. Однако сейчас, когда старая империя буквально разваливалась на части, это больше уже не имело значения.

---

¹⁴ В VII в. Тибетское царство стало одной из решающих сил в Центральной Азии. В VII–VIII вв. произошло несколько больших столкновений Китая и Тибета, в частности, осенью 745 г. китайцы понесли большие потери в борьбе за пограничную крепость Шибао.

Глава 6

Крепость Шибao, Тибет – 745 год 14 годами ранее

Смотреть в лицо смерти на поле битвы совсем не то же самое, что встречаться с нею в вонючих закоулках столицы. Исход яростной рукопашной предугадать невозможно. И мастерство не имеет здесь никакого значения. Стратегия, отвага, сила... все ничто. Это делало его задачу более сложной и одновременно опасной. Выжить или выполнить возложенное поручение. Одно исключает другое.

Теперь Ли Тао узнал, что такое предвкушение скорой схватки, научился ловить в воздухе аромат близкой битвы. В течение последних пяти лет он сражался в самой гуще императорской армии. В первом бою у него даже не было в руках меча, однако император продолжал завоевательные походы, и вскоре Ли Тао представилось множество прекрасных возможностей получить повышение. Сегодня он стоял на холмистой равнине Шибao плечом к плечу с бесстрашными воинами личной императорской гвардии, рядом с развевающимся на ветру стягом с изображением дракона. В отдалении виднелись флаги Тибетского царства.

Божественный император подошел к первой шеренге воинов. Он не относился к числу правителей, взиравших на схватку издалека, стоя на высоком холме. Император всегда бесстрашно сражался в самой гуще рукопашной, вдохновлял воинов на бой. Всем, кто смотрел на него, казалось, что он и в самом деле непобедимый и всемогущий Сын Неба.

Ли Тао должен был признать, что император являлся прирожденным властителем. Лучший наездник и лучший мечник. Его недоброжелатели презрительно шептали, что он гораздо естественнее чувствовал себя в седле, чем на троне. Во дворце на его жизнь было совершено несколько покушений, однако все они провалились. И его сегодняшняя смерть станет милостью, почетной смертью настоящего воина в бою.

Как и остальные ратники, Ли Тао низко склонил голову, когда мимо него прошел император. Неожиданно всесильный властитель остановился. Лицо его покрывала сетка морщин, живое свидетельство бессонных ночей в тех же холодных палатках, что и у его воинов, и еды с ними из одного котла. Его кожаные доспехи были покрыты грязью и кровью.

– Как зовут тебя, мечник?

Он резко выпрямился:

– Ли Тао, о император.

Похоже, это обрадовало императора.

– У нас с тобой одинаковое родовое имя. Возможно, сотни лет назад наши предки были родственниками.

Ли Тао покорно прижал руку к груди:

– Этот воин может только надеяться покрыть сегодня наше имя славой.

Как он и ожидал, в уголках глаз императора появились морщинки, свидетельствуя о редких мгновениях хорошего настроения перед битвой. Благородные представители высшего сословия были в плену возвышенных идей о чести и славе. Ли Тао же бросал на ветер пустые слова, обманывая их, как деревенских дурачков.

Имя, которое он носил сейчас – Ли Тао, – не было настоящим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.